Время исполнять мечту

ИСЛАНДИЯ



роман

Андрей Коршунов

Андрей Коршунов

Время исполнять мечту. Исландия

«Автор»
2026

Коршунов А.

Время исполнять мечту. Исландия / А. Коршунов — «Автор», 2026

Две сестры из Перми решаются исполнить детскую мечту — поехать в Исландию. Их новым домом становится небольшой семейный отель «Храун», затерянный среди лавовых полей. Незнакомая страна, новая работа, суровая природа и люди, которым ещё предстоит стать близкими, постепенно превращают мечту в настоящую жизнь — со своими радостями, трудностями и неожиданными открытиями.«Время исполнять мечту. Исландия» — вторая книга серии "Время исполнять мечту", история о смелости начать всё сначала, сестринской близости и поиске своего места в мире.

© Коршунов А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Начало новой жизни 6
Глава 2. Отель «Храун» 9
Глава 3. Дом на лаве 11
Глава 4. Ветер и камень 17
Глава 5. Туман 20
Глава 6. Вкус Исландии 23
Глава 7. Охотники за эльфами 26
Глава 8. Огни Рейкьявика 31
Глава 9. Новый год на краю света 40
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Андрей Коршунов
Время исполнять мечту. Исландия

Пролог

Пермь, 2006 год

В маленькой комнате, которую сёстры делили на двоих, горел торшер с оранжевым абажуром, и тени от него ложились на стены тёплыми пятнами.

Полине было одиннадцать, и она считала себя взрослой. Настя, восьмилетняя, лежала поперёк кровати, задрав ноги на спинку, и листала старый географический атлас, который папа принёс с работы.

— Полин, а ты знала, что есть такая страна — Исландия? — спросила она, водя пальцем по карте где-то у верхнего края.

— Конечно, знала — соврала Полина. Она сидела за столом и делала вид, что учит английский, а на самом деле рисовала в тетради единорогов.

— А почему она называется Исландия? Это значит «страна льда».

— Ну да.

— А на картинке тут водопад и зелёный мох. И ещё горы чёрные, как уголь.

Полина наконец отложила карандаш и пересела к сестре. Настя показала ей страницу с фотографией: чёрный песок, куски льда на берегу, свинцовое небо и маленькие фигурки птиц.

— Красиво, — сказала Полина без особого интереса, но взгляд её задержался на снимке. — Только очень далеко.

— А давай поедем туда, когда вырастем? — Настя подняла на неё глаза. — Вдвоём. Обещаешь?

Полина фыркнула, но что-то в этом детском вопросе прозвучало слишком серьёзно.

— Давай. Если у нас будут деньги и если мама отпустит.

— Мы её уговорим, — уверенно заявила Настя. — Или сбежим. Как настоящие путешественники.

— Дурочка, — Полина щёлкнула её по носу, но не сказала «нет». Она давно привыкла, что младшая сестра сначала мечтает, а потом уже думает. Но в тот вечер она вдруг подумала: а почему бы и нет?

Они тогда ещё не знали, что Исландия — это не просто страна с фотографии. Это место, где мечты сбываются, но не так, как ты ждёшь. Это место, где можно замёрзнуть и согреться в одну секунду. Место, где старшая сестра научится отпускать, а младшая — оставаться.

Но всё это будет потом.

А пока — атлас, торшер и две девочки, которые пообещали друг другу однажды добраться до края света.

Глава 1. Начало новой жизни

Кофе в пластиковом стаканчике и глухой гул турбин за панорамным стеклом — таким было начало новой жизни. По крайней мере, для Насти Соколовой.

— Я больше не могу, — прошептала она, глядя на серую взлетную полосу пермского аэропорта Большое Савино. — Если я сейчас сяду в этот самолет, я умру.

— Не драматизируй, — Полина, не отрываясь, листала ленту в телефоне, пытаясь найти хотя бы одну статью об Исландии, которую она еще не прочитала. — Ты просто боишься. Это нормально.

— Я не боюсь! Я... я не знаю, что мы делаем.

Это была чистая правда, но сейчас, в аэропорту, всё выглядело иначе. Настя только этой весной получила диплом искусствоведа с отличием и ещё не успела толком испугаться взрослой жизни. А Полина, старшая сестра, уже два года работала в колл-центре — не потому, что мечтала об этом, а потому, что ждала. Ждала, когда Настя доучится, чтобы осуществить их общий план. По образованию она была специалистом по гостиничному делу, но в Перми с этим было сложно: либо маленькие гостиницы с маленькой зарплатой, либо офис, где её знания никому не были нужны. Поэтому колл-центр стал временным пристанищем — до того дня, когда они с Настей наконец соберутся и уедут.

Этот план родился давно — ещё в детстве, над старым атласом. Тогда они пообещали друг другу, что однажды поедут в Исландию. Вдвоём. И все эти годы Полина откладывала деньги, читала форумы, высматривала программы. А Настя, пока сдавала экзамены, клеила на стену фотографии чёрных пляжей и ледников, как напоминание, ради чего всё это.

И вот теперь, когда диплом наконец лежал в рюкзаке, они стояли в очереди на посадку. Не было ни сожалений, ни страха перед неизвестностью — только ощущение, что всё наконец встало на свои места.

Программа по работе за границей была их общим секретным планом — тем самым, ради которого они столько лет учили языки и копили на билеты. Они специально искали возможность уехать вдвоём, перерыли десятки сайтов, сравнивали условия, отсеивали варианты. И когда наконец нашли её — Исландия, остров вулканов, гейзеров и ледников, небольшой семейный отель «Храун», которому требовался персонал с контрактом на год, — обе почувствовали, как внутри что-то щёлкнуло. Вот оно. Та самая дверь, которую они так долго ждали.

Требовались: физическая выносливость, знание английского, «желание работать в команде», а также внимательность, терпение и искреннее желание заботиться о гостях. Зарплата — стандартная для Европы, но главное — жилье и питание включены.

— Полин, посмотри на это с другой стороны. — Настя постучала пальцем по экрану, где была фотография черного пляжа с кусками льда. — Если нам не понравится — мы вернемся. Это не тюрьма. Это, блин, приключение! И мы будем вместе. Как всегда.

— Вот именно, как всегда. — Полина сняла очки и устало потерла переносицу. — Я всю жизнь отвечаю за тебя. Мама с папой с ума сойдут, если мы уедем вдвоем.

— Им придется смириться. Мы уже взрослые. А если нас там съест вулкан, то хотя бы вместе. Красиво ведь?

Полина не сдержала смешок. Настя всегда умела превратить любую трагедию в анекдот.

Объявили посадку. Настя в последний раз обернулась на серое небо Перми. Она знала, что мама сейчас наверняка плачет на кухне, а бабушка ставит свечку в церкви. Вся их прошлая жизнь оставалась здесь, в этом слякотном октябре.

— Слушай, а вдруг мы не долетим? — тихо спросила Настя, поправляя рюкзак.

— Долетим, — уверенно ответила Полина. — Я проверила статистику. Самолеты падают реже, чем ты опаздываешь на пары.

— Эй! Я сдала все экзамены!

— С третьей попытки, — усмехнулась Полина, но тут же приобняла сестру за плечи. — Ладно, не трусь. Прорвёмся. Мы же Соколовы.

Это была их семейная мантра. Когда отец чинил что-то в доме и всё шло не так, он говорил: «Мы же Соколовы». Когда у Насти случалась очередная драма с парнем, Полина напоминала ей об этом. Теперь это значило: «Мы справимся, потому что мы вместе».

Они встали в очередь на посадку. Сердца бились где-то в районе горла. Это было страшно.

Через двое суток, две пересадки и одну бессонную ночь в аэропорту Копенгагена они наконец приземлились в аэропорту Кеблавик. Исландия встретила их низким небом, запахом моря и ледяным ветром.

Аэропорт Кеблавик стоял посреди чёрного лавового поля, как одинокий белый корабль, причаливший к краю земли. Низкое небо давило на плечи, а ветер гулял по взлётной полосе, поднимая в воздух мелкие капли недавнего дождя. Здание было приземистым, вытянутым, с тёмными панелями из камня и стекла, отражавшими серые облака. Никакой помпезности, никаких лишних деталей — только бетон, стекло и бесконечная равнина вокруг.

— Ну и красота, — прошептала Настя, хотя «красота» здесь была какая-то нечеловеческая. Скорее — суровая, молчаливая мощь.

— Похоже на декорации к фильму про конец света, — тихо отозвалась Полина, придерживая капюшон. — Только очень красивый конец.

Настя спускалась по трапу самолета, кутаясь в свою единственную приличную куртку. Ветер ударил в лицо с такой силой, словно пытался отправить её обратно в самолет.

— Ну и... север! — выкрикнула она, пытаясь перекричать шум турбин.

— Аэропорт! — Полина показала на унылый пейзаж. — Тут даже деревьев нет. Вообще. Я читала, тут шутка: «Что делать, если ты заблудился в исландском лесу? Встань!»

Настя засмеялась, но смех получился сдавленным — то ли от холода, то ли от волнения.

В здании аэропорта на стенах висели фотографии ледников, а под ногами был черный пол. Всё выглядело минималистично и очень по скандинавский.

Очередь на паспортный контроль двигалась медленно, люди стояли спокойно, кто-то листал телефон, кто-то тихо переговаривался.

Перед ними стоял мужчина в яркой жёлтой куртке, который громко рассказывал по телефону, как он «покорил Исландию за три дня». Настя переглянулась с сестрой, и Полина едва заметно улыбнулась.

— Интересно, что он успел покорить, — прошептала она.

— Наверное, сувенирный магазин, — так же тихо ответила Настя.

Очередь шла быстрее, чем казалось. Вот жёлтая куртка скрылась за стойкой, и настал их черёд. Настя подошла первой, протянула паспорт.

— Цель визита? — спросил пограничник, молодой человек с короткой стрижкой и спокойным лицом.

— Работа. Мы по программе, — ответила Настя, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Он посмотрел в паспорт, потом на неё, потом снова в паспорт. Что-то проверил в компьютере.

— Хорошо, — он поставил штамп и вернул паспорт. — Добро пожаловать в Исландию.

Настя отошла, чувствуя, как внутри что-то отпускает. Полина подошла следом, и процедура повторилась. Пограничник задал те же вопросы, Полина ответила так же ровно. Через минуту обе стояли в стороне с паспортами в руках.

— Ну вот, — сказала Полина. — Мы официально здесь.

— Официально, — согласилась Настя.

Они пошли к багажной ленте. Чемоданы уже ползли по кругу — их два, серые, с яркими лентами, которые Полина привязала ещё в Перми, чтобы не перепутать. Настя схватила свой, Полина свой, и они двинулись к выходу.

— Смотри, что я говорила! — гордо прошептала Полина, указывая взглядом на встречающего.

Из толпы вышел мужчина средних лет с табличкой «HR AUN» в руках. Он был одет в серый шерстяной свитер крупной вязки... с оленями.

— Я выиграла, — хихикнула Полина. — С тебя шоколадка.

Мужчина был владельцем отеля, его звали Бьёрн. Он был высокий, с обветренным красным лицом и огромными ладонями, которыми легко подхватил их двадцатикилограммовые чемоданы, как перышки.

— Девушки, вы вовремя, — сказал он на хорошем английском с легким акцентом, похожим на американский. — Через час начнется шторм. Нужно успеть доехать до отеля, пока дорогу не перекрыло.

— Шторм? — уточнила Настя, чувствуя, как сердце снова уходит в пятки.

— Обычное дело. Ветер всего двадцать метров в секунду. Машину может покачивать.

Настя и Полина переглянулись. Пермь с её морозами за тридцать, пробками и вечной серостью вдруг показалась верхом стабильности.

Они вышли на парковку. Небо было цвета стали. Где-то вдалеке возвышалась гряда черных гор, покрытых мхом.

Бьёрн открыл двери старого, но очень крепкого джипа.

— Добро пожаловать в Исландию! — сказал он и улыбнулся. Улыбка у него была теплая, несмотря на суровую внешность.

Настя села в машину и прижалась лбом к холодному стеклу. Джип тронулся, и за окном потянулся пейзаж, похожий на другую планету: бескрайние поля застывшей лавы, покрытые мягким изумрудным мхом, дымка над термальными источниками вдалеке и низкое небо, кажется, достающее до самой земли.

— Эй, Полин, — прошептала Настя, не оборачиваясь.

— М?

— Мы правда это сделали. Мы прилетели.

— Рано радоваться. Сначала нужно пережить шторм и выучить, как правильно произносится название отеля.

Настя улыбнулась. Впереди их ждала целая страна — холодная, ветреная, но такая живая. И сестра рядом. а это значит, что всё будет хорошо.

Глава 2. Отель «Храун»

Джип мягко покачивался на ухабах, и Настя, сама не заметив, вцепилась в ручку над дверью. Дорога сузилась до серой ленты, которая вилась среди чёрных лавовых полей, кое-где поросших ярко-зелёным мхом. Казалось, они едут не по земле, а по поверхности только что остывшей планеты.

— Это лава, — негромко сказал Бьёрн, заметив, как Настя прилипла к окну. — Ей несколько тысяч лет. Здесь всё так: сначала огонь, потом мох, потом люди.

— А если снова начнётся? — спросила Полина.

— Тогда мы узнаем об этом первыми, — спокойно ответил Бьёрн и прибавил газу. — Но вы не волнуйтесь, вулканы у нас вежливые. Предупреждают заранее.

Настя невольно улыбнулась. Ей нравился этот человек — от него исходило спокойствие, как от старого дерева.

За окнами между тем темнело. Небо опускалось всё ниже, ветер крепчал, и вскоре по стеклу застучали первые капли.

— Шторм подбирается, — пробормотал Бьёрн, глядя на горизонт. — Но мы уже почти на месте.

Он свернул на просёлочную дорогу, и впереди, на фоне свинцового неба, показались огни. Отель «Храун» стоял на невысоком холме, окружённый каменными грядами, и казался единственным живым местом на много миль вокруг. Двухэтажное здание с тёмно-красными стенами и белыми окнами светилось изнутри, как маяк.

— Приехали, — сказал Бьёрн.

Остановив машину у входа, он обернулся к сёстрам и вдруг улыбнулся той самой тёплой улыбкой, от которой у Насти стало легче на душе.

— Добро пожаловать домой. Пока вы работаете здесь, «Храун» — ваш дом.

Они вышли из машины, и ветер тут же растрепал волосы, забираясь под куртки ледяными пальцами. Дверь отеля распахнулась раньше, чем они успели подняться на крыльцо.

На пороге стояла женщина лет пятидесяти, с серебристыми волосами, собранными в небрежный пучок, и в вязаном кардигане поверх тёмного платья. У неё было спокойное лицо с глубокими морщинками вокруг глаз — такие бывают у людей, которые часто щурятся от ветра или много смеются.

— Наконец-то! — воскликнула она по-английски с мягким акцентом. — Я уже начала волноваться. Шторм подобрался быстрее, чем обещали. Заходите, девочки, заходите!

Это была Сигрун, жена Бьёрна и хозяйка отеля. Она тут же засуетилась вокруг сестёр, помогла снять куртки и усадила обеих на деревянную скамью в прихожей.

— Сейчас будет горячий суп и какао. И, может быть, грог для храбрости, — она подмигнула. — У нас так принято: все, кто приезжает сюда впервые, в первые сутки проходят испытание погодой.

— Мы уже чувствуем, что прошли, — вежливо ответила Полина, сжимая в ладонях кружку, которую ей сунула Сигрун.

Настя же молча смотрела по сторонам, не в силах поверить, что они действительно здесь.

Внутри отель был ещё уютнее, чем снаружи. Небольшое фойе с низкими потолками, деревянные балки, пахнущие старым деревом, полки с книгами на исландском, мягкие диваны с шерстяными пледами. На стенах — чёрно-белые фотографии ледников и водопадов. В углу, у камина, свернулась клубочком серая кошка. Всё это было невероятно и совсем не сравнить с их квартирой в Перми.

Из кухни вышел мужчина. Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, собранными в короткий хвост, и серыми глазами, которые в полумраке казались почти прозрачными. На нём

был фартук поверх простой серой футболки, а в руках — поднос с двумя тарелками дымящегося супа.

— Это наш шеф-повар, Эйрик, — представила его Сигрун. — Готовит лучше всех на сотни километров вокруг. Правда, на сотни километров вокруг почти никого нет, — добавила она со смехом, — но это не отменяет его таланта.

— Сомнительный комплимент, — заметила Настя, с трудом отводя взгляд от мужчины. Что-то в его сдержанном лице и чуть нахмуренных бровях заставило её смутиться.

Эйрик поставил тарелки на стол и коротко кивнул сёстрам.

— Добро пожаловать. Ешьте, пока горячее.

Голос у него был низкий, с лёгкой хрипотцой. Настя заметила, как Полина украдкой поправила волосы. Это было знакомо: старшая сестра делала так только тогда, когда хотела выглядеть увереннее.

— Ну, и как оно? — прошептала Настя, наклоняясь к Полине, пока Бьёрн разговаривал с Эйриком на исландском.

— О чём ты?

— О супе. Или ты смотришь не в тарелку?

Полина слегка покраснела и пихнула сестру локтем.

— Ешь давай. Нам ещё вещи разбирать.

Настя подавила улыбку и попробовала суп. Это было что-то невероятное: густой, сливочный, с кусочками копчёной форели и какой-то травой, вкуса которой она не знала. Тепло растеклось по телу, выгоняя холод и усталость.

Снаружи завывал ветер, стуча по окнам так, будто кто-то хотел войти. Но здесь, у камина, с тарелкой горячего супа и плечом сестры рядом, чувствовала себя хорошо и спокойно.

— Полин, — тихо позвала она.

— М?

— А мы здесь не пропадём?

Полина на секунду задумалась, отправила ложку в рот, глядя на огонь.

— Нет, — наконец ответила она. — Мы же Соколовы.

За окном сверкнула молния, осветив на мгновение чёрные поля лавы. Настя вздрогнула. Но страха не было. Только предвкушение.

Глава 3. Дом на лаве

Ночью Настя почти не спала.

Шторм ревел так, будто за окнами не Исландия, а край света, где ветер решил разобрать отель по брёвнышку. Окна дрожали, где-то наверху что-то ухало, а по крыше то и дело пробегала дробь — не то дождь, не то мелкие камни. Настя лежала под тёплым одеялом в маленькой комнате, которую они делили с сестрой, и смотрела в потолок.

Полина спала, свернувшись калачиком на соседней кровати, и тихо посапывала. Её, кажется, не разбудил бы даже вулкан.

Утром всё стихло.

Настя проснулась от того, что в комнату пробивался холодный, но очень чистый свет — такой бывает только после сильного ветра, когда небо наконец умылось. Она встала, накинула толстовку и подошла к окну.

Пейзаж за стеклом поражал. Ещё вчера он казался мрачным и враждебным, а теперь, под бледным октябрьским солнцем, выглядел как декорация к фильму про другую планету. Чёрные лавовые поля, покрытые мягким зелёным мхом, тянулись до самого горизонта, а вдалеке, над горами, висела идеальная двойная радуга.

— Полин, — тихо позвала Настя.

— М-м-м, — отозвалась сестра, не открывая глаз.

— Вставай. Там радуга.

— И что?

— Над вулканом.

Полина приоткрыла один глаз, недоверчиво покосилась на окно, потом со вздохом села и потянулась. Её светлые волосы торчали в разные стороны, и Настя невольно улыбнулась — в Перми сестра всегда ненавидела, когда кто-то видел её «утренней».

— Ну и погодка, — пробормотала Полина, подходя к окну. — Вчера чуть не унесло, а сегодня красота. Как у них тут всё быстро меняется.

— Это Исландия, — с важным видом кивнула Настя. — Я вчера прочитала в брошюре, что если тебе не нравится погода — подожди пять минут.

— Полезная информация, — хмыкнула Полина. — Ладно, пошли. Нас, наверное, уже ждут.

Они быстро умылись, оделись и спустились вниз.

В фойе пахло кофе и свежей выпечкой. За стойкой администратора сидела Сигрун и что-то записывала в большой тетради, а из кухни доносился приглушённый стук ножа — Эйрик колдовал над завтраком.

— Доброе утро, девочки! — Сигрун подняла голову и улыбнулась. — Ну что, как вам исландский шторм?

— Впечатляюще, — честно ответила Полина. — Но мы выжили.

— Это хорошая примета. Значит, будете здесь своими.

После завтрака Сигрун повела сестёр на небольшую экскурсию по отелю. Настя шла и смотрела по сторонам с жадностью человека, который впервые оказался в месте, о котором грезил годами.

— «Храун» построили в конце шестидесятых, — рассказывала Сигрун, ведя их по коридору с деревянными панелями. — Тогда сюда ещё не было нормальной дороги. Мой отец был геологом, он исследовал эти лавовые поля и однажды сказал: «Если человек хочет понять Исландию, он должен хотя бы одну ночь провести среди этой тишины». Он нашёл этот холм — место, откуда видно ледник, реку и океан, — и решил, что здесь будет стоять дом для путников.

— И как он его строил? — спросила Настя.

— Сначала один, потом с братьями. Привозили доски из Рейкьявика на грузовике, когда позволяла погода. Ночами жили в палатках. Говорят, он был немного сумасшедшим, но все, кто сюда приезжал, понимали: это место — особенное.

Она провела ладонью по деревянной балке, как будто здороваясь со старым другом.

— В первое лето они поставили только одну комнату и общую кухню. Потом ещё две. Потом бабушка сказала, что путникам нужны нормальные кровати, а не спальники, и добавили первое крыло. Всё строили из того, что могли привезти. Камень для цоколя брали прямо здесь — лава твёрдая, как железо. Дерево — сосна, оно хорошо держит тепло. А крышу сделали с большим наклоном, чтобы снег не задерживался.

Сигрун остановилась у массивной дубовой двери

— Вот один из номеров для гостей. Сейчас пустует, можете посмотреть.

Она открыла дверь, и сёстры вошли.

Номер оказался небольшим, но очень уютным. Кровать с высоким изголовьем, застеленная серым пледом, пара кресел у окна, торшер с тёплым светом. На стенах — старинные фотографии, на которых были запечатлены ледники, овцы и суровые люди в вязаных свитерах.

— У нас всего четырнадцать номеров, — рассказывала Сигрун. — Два одноместных, остальные двуместные, и один большой семейный на первом этаже. Летом здесь яблоку негде упасть, а осенью и зимой мы принимаем только тех, кто не боится остаться наедине с собой.

— А какие-то знаменитости у вас останавливались? — спросила Полина, разглядывая старую карту на стене.

— Знаменитости? — Сигрун улыбнулась. — Однажды у нас ночевал известный исландский писатель. Он так вдохновился тишиной, что написал целую главу про нашу серую кошку. А ещё приезжал американский фотограф, который три дня ждал северное сияние и в итоге пропустил его, потому что уснул у камина. Так что наши звёзды — в основном сама природа и очень уставшие люди.

Настя подошла к окну. Внизу, среди чёрных камней, блестела узкая лента реки.

— А почему именно здесь? — тихо спросила она. — Ну, кроме того, что красиво?

Сигрун встала рядом и посмотрела на горизонт.

— Это одно из немногих мест, где сходятся три стихии: лава, ледник и море. Исландцы верят, что в таких точках воздух необыкновенный. Кто-то говорит — здесь лучше спится. Кто-то — что сюда тянет тех, кто ищет ответы. Мой отец говорил проще: «Здесь человек не мешает небу, а небо не мешает человеку».

Она помолчала и добавила уже с улыбкой:

— Ну а если серьёзно, то он просто увидел этот холм с высоты, спустился, зарыл в землю монету и сказал: «Тут будет дом». У нас многие важные решения принимаются именно так.

Настя улыбнулась. Ей нравилось всё: и то, что отель строили почти голыми руками, и то, что здесь нет ни одной случайной вещи.

Когда они вышли из номера, Полина, до этого молчавшая, наконец произнесла:

— Теперь я понимаю, почему сюда так трудно попасть. Это место как будто… не для всех.

— Именно, — кивнула Сигрун. — Поэтому мы не делаем большую рекламу. Кто должен приехать — тот приедет.

Она остановилась у большого окна в конце коридора и показала куда-то в сторону тёмных гор.

— Видите вон тот разлом? Это каньон, который ведёт к горячим источникам. Туда можно дойти пешком за час. А если проехать дальше по дороге, будет чёрный пляж. Ну и, конечно, ледник — он в другой стороне.

— Мы успеем всё это увидеть? — с надеждой спросила Настя.

— Конечно. У нас сейчас не сезон, гостей немного, но они всё равно приезжают — ради северного сияния, тишины, и того, чтобы побыть на краю света. Так что работы у вас будет хватать, но и свободные дни тоже будут.

Они спустились в общую гостиную. Здесь было тепло и пахло деревом. У камина, свернувшись клубком, лежала серая кошка. Настя заметила на стенах старые карты, фотографии ледников и полки с книгами на исландском.

— А это что за место? — спросила Настя, указывая на снимок с чёрной скалой, уходящей в море.

— Это мыс Дирхоулаей, — ответила Сигрун. — От нас туда можно доехать за сорок минут, если погода позволит. Чёрные пляжи, птичьи базары, арки в океане. Многие гости берут машину напрокат и ездят туда ради заката.

— А водопад? — оживилась Полина. — Тот, который на всех фотографиях?

— Сельяландсфосс? Это в другой стороне, примерно час езды. Но есть и ближе — небольшой, но очень красивый, спрятан в каньоне. Туда ходит Магнус с гостями, когда хочет показать что-то не слишком туристическое.

Настя переглянулась с Полиной. Водопад был их давней мечтой. Ещё в детстве они вырезали фотографию Сельяландсфосса из журнала и повесили над кроватью.

— А северное сияние сейчас можно увидеть? — спросила Настя.

— В это время года — да, если небо чистое и солнечный ветер в настроении, — Сигрун улыбнулась. — У нас даже есть «будильник» для гостей: если ночью начинается сияние, мы стучим в двери. Так что будьте готовы, что вас тоже разбудят.

— Мы только за, — быстро сказала Настя.

Сигрун проводила их обратно в фойе и остановилась у стойки.

— Сейчас не сезон, но гости всё равно приезжают. Кто-то ради тишины, кто-то — чтобы побыть на краю света, кто-то — просто спрятаться от большого города. Поэтому работы хватит: уборка, помощь на кухне, иногда — встретить гостей, рассказать про местность, налить кофе. Но и свободные дни будут обязательно. Вам нужно увидеть Исландию, а не только полотенца, — она подмигнула.

— А когда приедет Магнус? — спросила Настя, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Сигрун взглянула в окно.

— С минуты на минуту. Он проверял дорогу после шторма. Кстати, если будет в настроении, может показать вам каньон уже сегодня. Но не буду обещать, у него свой график.

Полина толкнула сестру локтем и едва заметно улыбнулась. Настя сделала вид, что не заметила.

Когда Сигрун закончила рассказ, она проводила сестёр обратно в небольшое крыло для персонала.

— Отдыхайте пока, — сказала она. — Магнус подъедет, я вас позову.

Они поднялись на второй этаж и вошли в свою комнату. Ночью, после долгой дороги и шторма, всё здесь казалось размытым и нереальным. Теперь же, при дневном свете, комната выглядела иначе.

Она была небольшой, но тёплой. Две кровати с деревянными спинками стояли вдоль стен, на каждой — плотное одеяло и по две подушки. Между ними — узкий проход к окну, на подоконнике лежала стопка старых журналов о путешествиях. У двери притулился невысокий шкаф с выдвижными ящиками, а над изголовьями — маленькие лампы с тёплым абажуром.

Но главным было окно.

Оно выходило прямо на лавовое поле, и за стеклом расстилался тот самый инопланетный пейзаж: чёрные камни, поросшие серебристо-зелёным мхом, вдалеке — гряда гор, над которыми всё ещё висели хвосты вчерашнего тумана. Небо медленно менялось: то светлело, то вновь затягивалось серой дымкой.

Настя села на свою кровать и провела ладонью по шершавому пледу.

— Как будто в гостях у бабушки, — тихо сказала она. — Только за окном не огород, а другая планета.

Полина хмыкнула, раскрыла шкаф и принялась перебирать немногочисленные вещи.

— Зато нас поселили вместе. Не пришлось ни с кем чужим жить.

— Я бы не против была и чужого человека, — Настя легла, раскинув руки. — Лишь бы он не храпел, как ты.

— Я не храплю!

— Храпишь.

Полина беззлобно бросила в неё свёрнутым полотенцем, и сёстры рассмеялись.

Было что-то уютное в этой маленькой комнате: в том, как скрипели половицы, как пахло деревом и сушёными травами. Всё здесь было пропитано тишиной и уютом, и Настя вдруг подумала, что готова жить так очень долго.

— Полин, — позвала она.

— М?

— А тебе тут нравится?

Полина повернулась, посмотрела на сестру, потом на окно, за которым ветер снова начинал шевелить мох.

— Пока да, — честно ответила она. — Но давай не будем загадывать. Впереди ещё целый сезон, и неизвестно, что может произойти.

Настя ничего не ответила. Просто перевернулась на бок и стала смотреть, как за окном плывут низкие облака.

Они ещё немного посидели каждая на своей кровати, глядя в окно, как вдруг в дверь постучали.

— Девочки, — послышался голос Сигрун. — Магнус будет через десять минут. Я обещала позвать вас. Он как раз заканчивает осмотр дороги после шторма.

Настя и Полина переглянулись и вышли в коридор. Сигрун ждала их в вязаной шали, накинутой поверх платья.

— Пойдёмте вниз, — сказала она. — Пока он не приехал, расскажу вам про остальных. Вчера вы видели только нас с Бьёрном и Эйрика, а ведь в отеле работают и другие.

Они спустились в гостиную и сели на диван у камина. Серая кошка лениво приоткрыла один глаз, посмотрела на них и снова задремала.

— Бьорк — наша девочка на все руки, — начала Сигрун, устраиваясь в кресле. — Занимается уборкой, прачечной, цветами в номерах. Работает у нас уже третий год. Приехала с севера, из Акюрейри. У неё редкая способность появляться именно в тот момент, когда нужна помощь, и исчезать, когда хочется тишины.

— Звучит как суперсила, — заметила Настя.

— Так и есть, — улыбнулась Сигрун. — А ещё она знает все тропы вокруг и может предсказать перемену погоды по цвету неба. Если Бьорк говорит, что к вечеру будет ветер, — берите куртки и не спорьте.

— А ещё у нас есть Оулавюр, — продолжила Сигрун. — Наше солнце, как я его называю. Он местный, вырос в посёлке недалеко отсюда. Чинит всё, что ломается, а ломается у нас много. Любит рассказывать истории, и половина из них — выдумка. Но слушать всё равно интересно. Если вдруг увидите, что он сидит на полу с отвёрткой и разговаривает с дверной ручкой, — не удивляйтесь, это он так с ней советуется.

— С дверной ручкой? — фыркнула Настя.

— Ну, или с насосом, или с лампой. Говорит, что у каждой вещи свой характер и прежде чем чинить, надо её выслушать. Звучит странно, но у него всё начинает работать.

— А двери ему отвечают? — хмыкнула Полина.

— Иногда скрипят, — подыграла Сигрун. — Он считает, это значит «да».

Полина улыбнулась:

— У вас тут как в сериале. Каждый день что-то новое.

— Мы так живём, — просто ответила Сигрун. — Привыкнете.

За окном послышался звук мотора. Сигрун поднялась и выглянула на улицу.

— А вот и Магнус, — сказала она. — Пойду встречу его. Посидите пока.

Она вышла на крыльцо, и через стеклянную дверь было видно, как к отелю подъезжает видавший виды внедорожник тёмного цвета.

Настя машинально поправила волосы, хотя сама не заметила за собой этого.

Полина заметила.

— Ты чего? — тихо спросила она.

— Ничего, — слишком быстро ответила Настя.

— Ага, — Полина растянула слово. — Ну-ну.

Но продолжать не стала. За окном хлопнула дверца машины, и навстречу Сигрун шагнул высокий человек в грубом сером свитере.

Магнус оказался выше, чем можно было представить, глядя на него через стекло. Широкие плечи, тёмные волосы, взлохмаченные ветром, лёгкая небритость и глаза — светлые, серо-голубые, как вода в ледниковой реке. Он не был красив в привычном смысле, но что-то в его лице заставляло смотреть на него дольше, чем следовало.

— Это наши новые помощницы, — сказала Сигрун, пропуская его вперёд. — Настя и Полина. Приехали из России, из Перми.

Магнус перевёл взгляд на сестёр. Сначала на Полину, потом на Настю. Взгляд у него был спокойный, но цепкий, как у человека, который привык оценивать обстановку за пару секунд.

— Из Перми, — повторил он, растягивая слово так, будто пробовал его на вкус. — Это там, где много снега?

— Зимой — да, — ответила Полина

Магнус едва заметно усмехнулся.

— У нас снег может пойти в любой день. Так что вы будете как дома.

Он снял куртку и повесил её на крючок у двери. Движения у него были неторопливые, но точные.

— Дорога после шторма цела? — спросила Сигрун.

— Почти. Один участок завалило камнями, но я расчистил. Каньон открыт. Туда можно вести гостей, если никому не страшно промочить ноги.

Он говорил с Сигрун по-английски, но чувствовалось, что обычно они переходят на исландский. Для сестёр он, видимо, решил сделать исключение.

— А что там, в каньоне? — тихо спросила Настя.

Магнус посмотрел на неё, и в этот раз взгляд задержался чуть дольше.

— Тропа вдоль реки. Пара водопадов. Места, где вода горячая, а камни тёплые. И тишина, которую не встретишь в городе.

— Звучит как приглашение, — заметила Полина, глядя то на сестру, то на Магнуса.

Магнус пожал плечами.

— Если захотите — покажу. Только одевайтесь теплее.

Он взял со стойки ключи и направился в сторону кухни, но на полпути обернулся.

— Добро пожаловать в Исландию.

И исчез за дверью, оставив после себя лёгкий запах дождя и едва уловимую усмешку.

Настя выдохнула, только сейчас заметив, что всё это время почти не дышала.

— Ну и тип, — прошептала Полина.

— Ага, — так же тихо отозвалась Настя. — Тип.

Но в голосе её не было ни осуждения, ни страха. Только любопытство, которое она пока не готова была назвать иначе.

Глава 4. Ветер и камень

Утро следующего дня началось не с будильника, а с крика чайки.

Настя открыла глаза и несколько секунд просто смотрела в потолок, пытаясь сообразить, где она. Потом взгляд упал на окно, за которым медленно светлело небо, и она вспомнила: они в Исландии, в отеле «Храун», и впереди первый настоящий рабочий день.

Полина уже встала и стояла у зеркала, заплетая волосы в тугой хвост.

— Подъём, — коротко сказала она, не оборачиваясь. — Сигрун просила быть внизу к восьми.

— Ты уже разговаривала с ней? — сонно удивилась Настя.

— Она заглянула, пока ты дрыхла. Сказала, что сегодня гостей немного, но работы хватит.

Настя потянулась, села на кровати и обхватила колени руками. В комнате было прохладно, но не холодно — от батареи под окном шло сухое тепло, пахло деревом и ещё чем-то неуловимым, похожим на сушёные травы.

— Ну что, — выдохнула она, — начнём.

Они спустились вниз.

На кухне уже кипела жизнь. Эйрик сосредоточенно резал овощи, Бьорк раскладывала по корзинам полотенца, а Оулавюр сидел на корточках возле двери в кладовую и что-то прикручивал, тихо приговаривая по-исландски. Увидев сестёр, он расплылся в улыбке.

— Доброе утро, русские сёстры! — громко сказал он с таким акцентом, что Настя не сразу поняла, что он говорит по-английски. — Как спалось после шторма?

— Как в детстве, — ответила Полина. — Только ветер громче, чем в Перми.

— Это ещё не ветер, — Оулавюр махнул отвёрткой. — Вот в январе будет концерт. А пока — цветочки.

— Не пугай девочек, — спокойно вставил Эйрик, не поднимая глаз.

— Я не пугаю, я готовлю, — засмеялся Оулавюр. — Им полезно знать, что к зиме нужно покупать нормальную обувь.

Сигрун появилась из коридора с бумагами в руках.

— Так, девочки, распределение на сегодня. Полина — поможешь на ресепшене. У нас заезд после полудня, нужно проверить брони и подготовить ключи. Настя — сначала уборка двух номеров с Бьорк, потом поможешь на кухне. После обеда, если погода не испортится, можете сходить с Магнусом к каньону. Он собирался проверить тропу.

Настя постаралась не выдать своих эмоций. Получилось не очень.

— Каньон? — переспросила она слишком небрежно.

— Да, — Сигрун улыбнулась краешком губ. — Будет хорошая проверка ботинок.

Бьорк молча поманила Настю за собой, и они поднялись на второй этаж. Работа оказалась не такой простой, как казалось со стороны. Нужно было не просто сменить бельё и вымыть пол, а заметить мелочи: ровно ли лежит плед, не остались ли разводы на зеркале, не забыли ли маленькое полотенце для рук. Бьорк почти не разговаривала, но при этом как-то умудрялась объяснять всё движениями и короткими взглядами. Настя быстро поняла, что с ней не нужно изображать энтузиазм — достаточно просто внимательно работать.

К десяти утра они закончили. Настя спустилась на кухню, где уже было жарко и пахло специями. Эйрик молча подвинул ей миску с морковью.

— Чисти.

Она взяла нож и принялась за работу. Минут десять они молчали. Эйрик то помешивал что-то в кастрюле, то уходил в кладовую за продуктами. Настя уже поняла, что он не из тех людей, которые заполняют тишину пустыми словами, и это было даже приятно.

— Почему ты уехала из России? — спросил он вдруг, не отрываясь от готовки.

Настя чуть не порезалась.

— Мы с сестрой мечтали сюда попасть с детства, — сказала она, снова возвращаясь к моркови. — Это звучит глупо, но мы пообещали друг другу, что однажды приедем в Исландию.

— Не глупо, — тихо ответил Эйрик. — У нас половина людей живёт мечтами о далёких странах, а ты здесь — в далёкой стране.

Настя не нашлась, что ответить. Впервые за долгое время ей не хотелось ни шутить, ни оправдываться. Просто чистить морковь и слушать, как за окном снова начинает шуметь ветер.

После обеда небо немного прояснилось, и Магнус появился в фойе. Он был в тех же ботинках, но куртку сменил на лёгкую, с высоким воротником.

— Каньон открыт, — коротко сказал он. — Кто идёт?

Настя и Полина переглянулись.

— Мы, — сказала Настя.

— Тогда через десять минут у входа. Возьмите перчатки.

Он вышел, и Полина едва слышно фыркнула.

— «Возьмите перчатки».

— Зато не придётся притворяться, что мы и сами не знали, — улыбнулась Настя.

Через десять минут они стояли на крыльце. Ветер был холодный, но уже не колючий, а будто просыпающийся после вчерашней бури. Магнус ждал у тропы, сунув руки в карманы куртки.

— Идёмте, — сказал он, как только сёстры подошли. — Здесь недалеко, но местами скользко.

Тропа вилась между лавовыми выступами, поросшими мхом. Внизу шумела река, неширокая, но стремительная. Где-то впереди, за серыми скалами, слышался ровный гул водопада.

Настя шла чуть позади и ловила себя на том, что смотрит не столько по сторонам, сколько на спину Магнуса. Он шагал уверенно, выбирал самый удобный маршрут, сразу было видно, что он тут все знает.

— Этот каньон образовался несколько тысяч лет назад, — негромко рассказывал он. — Ледник таял, вода резала камень, а вулкан снова заливал всё лавой. Поэтому здесь столько причудливых форм.

— А как ты стал гидом? — спросила Настя.

Магнус на секунду обернулся.

— Я не гид. Я просто знаю эти места лучше, чем дорогу домой.

— Значит, ты мог бы водить сюда людей каждый день? — не отставала Настя.

— Мог бы. Но не хочу, чтобы это место стало парком с указателями и лавочками.

В его голосе была уверенность человека, который давно сделал выбор.

Они вышли к небольшому водопаду. Вода падала с высоты нескольких метров в каменистую чашу, разбиваясь о тёмные валуны. Воздух здесь был влажный и холодный, но откуда-то снизу поднималось едва заметное тепло — где-то рядом выходили горячие источники.

— Здесь всегда так? — тихо спросила Полина.

— Почти, — ответил Магнус. — Иногда ветер приносит запах моря, иногда снег. Но вода — всегда.

Он подошёл к краю тропы и опустился на корточки, дотрагиваясь до мха.

— Видите этот мох? Ему сотни лет. Если наступить — он умрёт и будет восстанавливаться десятилетиями. Поэтому здесь ходят только по тропе.

Настя стояла и смотрела, как вода бежит по камням. Она вдруг почувствовала, что это место не просто красивое. Оно было живым, как та тишина в комнате, когда всё вокруг дышало покоем и уютом. Только теперь к этому прибавилось что-то новое: осторожное, как первый вдох после долгого подъёма.

— Я рада, что мы приехали, — тихо сказала она.

И не сразу поняла, что сказала это вслух.

Магнус повернул голову и посмотрел на неё. Не как на туристку, а как на человека, который, кажется, начинает понимать.

— Здесь есть такая поговорка, — медленно произнёс он. — «Тот, кто слышит ветер, никогда не заблудится».

Настя не ответила. Она только слушала.

Глава 5. Туман

Следующие несколько дней слились для сестёр в один бесконечный, но удивительно тёплый поток.

Утро начиналось с запаха кофе и овсяной каши на общей кухне. Полина вставала первой, как привыкла за годы учёбы и работы, и шла вниз, чтобы успеть выпить чашку крепкого чая до того, как отель проснётся окончательно. Настя выползала позже, сонная и лохматая, и первым делом подходила к окну — проверить, что там с погодой.

Погода менялась часто, и это было отдельным развлечением. То солнце заливало чёрные лавовые поля, то налетал ветер, то с неба начинал сыпаться мелкий дождь, чтобы через полчаса снова уступить место свету. Исландия будто не могла решить, какое у неё настроение, и сёстрам это странным образом нравилось.

Полина быстро освоилась на ресепшене. Сигрун показала ей журнал бронирований, объяснила, как выдавать ключи, как отвечать на письма и что делать, если гость просит разбудить его к завтраку. Полина вникала во всё с той же дотошностью, с какой когда-то учила французские неправильные глаголы.

Настя проводила больше времени на кухне и в номерах. Бьорк оказалась не такой уж молчаливой, если разговорить её на темы, которые её интересуют. Она любила рассказывать про растения, которые выживают в лаве, про повадки птиц и про то, как определить приближение грозы по свету. Настя слушала с удовольствием и ловила себя на том, что впервые за долгое время учится не ради оценок, а просто потому, что интересно.

Эйрик по-прежнему был немногословен, но в его молчании больше не чувствовалось отстранённости. Иногда он пододвигал Насте тарелку с чем-нибудь, что она ещё не пробовала, и коротко говорил: «Попробуй». И она пробовала, а он наблюдал за её реакцией — кажется, это стало для него тихим развлечением.

Ко второму дню Полина знала, что в конце недели ожидается заезд. Сигрун показала ей журнал бронирований, где значились трое гостей — пожилая пара из Германии и одинокий мужчина. Ничего необычного, если не считать того, что в это время года отель почти пустовал, и каждый новый гость становился событием.

Полина удивилась, зачем в такой тихий сезон вообще брать новых людей. Сигрун объяснила просто: она специально приглашает дополнительный персонал до высокого сезона, чтобы успеть всему научить. Когда отель заполнится, не будет времени показывать, где лежат полотенца и как правильно заправлять кровать. А сейчас — самое время. Полина кивнула, запоминая. В этом была мудрость: готовиться заранее, пока есть время.

Поэтому, когда на третий день после приезда к воротам подъехала машина, сёстры уже ждали.

Их было трое: пожилая пара из Германии и мужчина лет сорока, приехавший в одиночку. Немцы оказались разговорчивыми и добродушными. Женщина, фрау Хельга, сразу спросила, есть ли у них зонтики, а её муж, герр Клаус, долго рассматривал карту окрестностей и записывал названия в маленький блокнот.

Одинокий постоялец по имени Томас держался в стороне. Он был худощав, с усталыми глазами и тихим голосом. За ужином он сидел у окна, почти не притрагиваясь к еде, и смотрел на темнеющие горы.

— Какой-то он грустный, — тихо сказала Настя Полине, когда они мыли посуду после ужина.

— Может, просто устал, — пожала плечами Полина. — Или у него что-то случилось.

— Странно ехать в такую даль, чтобы грустить.

Полина на секунду задумалась, вытирая тарелку.

— Иногда люди едут далеко, чтобы грустить спокойно. Без чужих вопросов.

Настя промолчала, но слова сестры засели в голове.

Ночью её разбудил стук в дверь.

Она села на кровати, не сразу сообразив, где находится. В темноте Полина тоже зашевелилась.

— Это ещё что? — прошептала она.

Стук повторился, и из коридора донёсся приглушённый голос Сигрун:

— Девочки, одевайтесь. Северное сияние.

Настя сон как рукой сняло. Она натянула свитер прямо поверх пижамы, сунула ноги в ботинки и выскочила в коридор. Полина — следом, на ходу натягивая куртку.

Внизу уже толпились гости: фрау Хельга куталась в плед, герр Клаус держал фотоаппарат, Томас стоял чуть в стороне, но впервые за вечер в его глазах появилось что-то, похожее на ожидание.

Они вышли на улицу.

Небо было чистым, чёрным и огромным. А по нему — зелёные, изумрудные, почти неоновые — текли полосы света. Они двигались медленно, как занавес, то разгораясь, то угасая, и было в этом что-то такое, отчего перехватывало дыхание.

Настя стояла, запрокинув голову, и не чувствовала холода.

— Полин, — прошептала она.

— Вижу, — так же тихо ответила сестра.

Магнус, который ночевал в гостевом крыле, вышел последним. Он встал чуть поодаль, сунув руки в карманы, и смотрел на небо так, будто видел это тысячу раз, но всё равно каждый раз заново удивлялся.

— Загадай желание, — сказал он вдруг, не оборачиваясь.

— А оно сбудется? — спросила Настя.

— Здесь — почти всегда.

Она зажмурилась на секунду. Желание было странным, смутным, оно даже не успело оформиться в слова. Просто тёплое чувство, чтобы это всё не заканчивалось.

Когда сияние стало бледнеть, гости начали возвращаться в дом. Фрау Хельга благодарила Сигрун за то, что та разбудила, герр Клаус возбуждённо показывал снимки. Томас ещё какое-то время стоял один, глядя на небо, и Настя заметила, как он сжал в ладони какой-то маленький предмет, висевший на шее.

— С ним точно что-то случилось, — прошептала она Полине.

— Не наше дело, — мягко ответила та. — Если захочет — сам расскажет.

Утром туман накрыл долину.

Он спустился с гор, как густое молоко, и поглотил всё: дорогу, лавовые поля, даже соседние постройки. Отель «Храун» оказался в самом сердце белого облака, и казалось, что он плывёт в невесомости.

— Ну и погодка, — пробормотала Полина, выглядывая в окно ресепшена.

— Так таинственно, — отозвалась Настя, сидя на подоконнике с кружкой какао. — Как будто мы в отдельной вселенной.

— В отдельной вселенной с туманом и запахом рыбы. Прекрасно.

Но она улыбнулась, и Настя поняла: сестре, кажется, тоже всё это нравится.

К обеду туман начал рассеиваться, и вместе с ним из ниоткуда появился Оулавюр. Он вошёл в фойе с большой коробкой в руках и загадочным видом.

— Смотрите, что я нашёл в старом сарае, — объявил он.

Все обернулись. В коробке оказались старые открытки с видами Исландии, пожелтевшие от времени, с рукописными подписями на разных языках.

— Их отправляли гости отеля ещё в семидесятых, — рассказывал Оулавюр, раскладывая открытки на стойке. — Некоторые так и не уехали. Обратного адреса нет, а слова такие тёплые, что рука не поднялась выбросить.

Настя бережно взяла одну. На ней был нарисован водопад, а сзади синей ручкой выведено: «Здесь я впервые за много лет почувствовала себя живой».

— Может, сделаем стену? — предложила она. — В гостиной. Пусть гости видят, что это место не просто отель.

Сигрун, стоявшая рядом, задумалась.

— Хорошая идея. Но не всё подряд. Только те, где чувствуется, что человек действительно был здесь. Не только ногами, но и душой.

Вечером Полина зашла в кухню за чаем и увидела Эйрика. Он сидел за разделочным столом и что-то писал в блокноте. Увидев её, быстро перевернул страницу.

— Не спится? — спросил он.

— Люблю посидеть в тишине перед сном, — ответила Полина. — А ты?

— Составляю меню на выходные. У нас приедут гости из Дании, у одной из них аллергия на рыбу. Приходится думать, чем заменить.

— Может, что-то из мяса? Или овощи в духовке?

Эйрик посмотрел на неё с интересом.

— Разбираешься?

— Немного. В детстве часто готовила с мамой. У неё были свои рецепты.

Он кивнул, будто что-то решил.

— Тогда поможешь мне завтра. С утра.

Полина улыбнулась.

— Это просьба, — добавил он. — Но если откажешься, я запомню.

Впервые за эти дни она увидела, как он улыбнулся.

— Ладно, — сказала она.

Ночью Настя долго ворочалась в кровати. Она вспоминала северное сияние, туман, открытки, слова Магнуса про желание. Онна не хотела уснуть, чтобы не потерять это чувство: что всё только начинается, и утро принесёт ещё что-то важное.

Глава 6. Вкус Исландии

Утро началось с запаха, который Настя сначала не смогла распознать. Сладковатый, тёплый, с лёгкой кислинкой — так пахло что-то, что готовилось долго и не спеша.

Она спустилась на кухню и увидела Эйрика, который стоял у плиты и помешивал в большой кастрюле густую тёмную массу. Рядом на столе лежали банки с чем-то, напоминающим варенье, пучки сушёных трав и большой кусок ржаного хлеба.

— Что это? — спросила Настя, сонно потягиваясь.

— Завтрак, — коротко ответил Эйрик. — Точнее, его часть. Помогай.

Он протянул ей деревянную ложку, и Настя послушно встала к плите. В кастрюле оказалась овсяная каша, но не такая, какую она привыкла видеть дома. Густая, почти как пудинг, с вкраплениями тёмных ягод.

— Это исландская каша, — пояснил Эйрик. — Варим на воде, потом добавляем немного сливок, соль и ягоды. Главное — не мешать слишком быстро.

— А что за ягоды? — Настя осторожно попробовала.

— Черника, — ответил он. — Но не обычная, а та, что растёт на лаве. Мелкая, но очень душистая. Исландцы собирают её осенью и сушат на зиму.

Настя ещё раз провела ложкой по каше. Вкус был непривычный — не приторный, а глубокий, с лёгкой горчинкой, как будто в тарелке уместилась сама природа.

— А это что за хлеб? — спросила она, кивнув на тёмный каравай.

— Ржаной, по-исландски. Его пекут в земле, но у нас духовка попроще. Сверху — масло и копчёная рыба.

— И это на завтрак?

— А что смущает? — Эйрик впервые посмотрел на неё с лёгким вызовом. — У нас рыба — это как у вас каша. Привыкай.

Настя улыбнулась. Ей нравилось, что здешняя еда была необычной, с характером. Она не пыталась быть красивой или понятной каждому, но в каждом блюде чувствовалась связь с этой суровой землёй и уважение к продукту.

Через полчаса на кухню спустилась Полина. Она собиралась на ресепшен, но задержалась, увидев, как Настя с Эйриком колдуют над завтраком.

— Может, мне тоже чему-нибудь научиться? — спросила она, наливая себе чай.

Эйрик задумался.

— Сегодня вечером будем готовить плоккфискур. Поможешь?

— А это что?

— Традиционное исландское рагу из рыбы и картофеля. Очень сытное. Готовится просто, но секрет в правильной рыбе.

— И в чём же секрет? — не удержалась Настя.

— Рыба должна быть вчерашняя, — Эйрик усмехнулся. — Не свежая. Тогда она лучше впитывает соус.

Сёстры переглянулись, но переспрашивать не стали.

День прошёл спокойно. Гостей было немного, и после обеда Сигрун отпустила Настю помочь Эйрику на кухне. Та с радостью согласилась — кулинария увлекала её всё больше.

Они вместе чистили картошку, резали лук, варили бульон. Эйрик рассказывал про исландские блюда, и Настя ловила каждое слово.

— Вот смотри, — он показал на банку с коричневой массой. — Это хлауп, наш исландский сыр. Кисломолочный, очень нежный. Его едят с корицей и сахаром.

— А это? — Настя указала на миску с белыми кусочками.

— Скюр. Похож на йогурт, но это не йогурт. Его подают со сливками и ягодами. Дети очень любят.

— А что-нибудь мясное есть?

— Конечно. Копчёная баранина, которую мы называем хангикьот. Её готовят на пару, но это долго — несколько часов. Если останешься до весны, попробуешь.

Настя сделала вид, что не заметила намёка, но сердце снова ёкнуло.

Вечером в кухне началось священнодействие.

Плоккфискур, о котором говорил Эйрик, оказался не просто блюдом, а целым ритуалом. В большую кастрюлю слоями укладывали отварную рыбу, картофель, лук и заливали всё густым белым соусом с мукой и молоком. Сверху — щепотка мускатного ореха и много чёрного перца.

— Это блюдо для холодных вечеров, — рассказывал Эйрик, помешивая соус. — Его часто готовят после тяжёлого дня, когда за окном ветер и дождь. Оно согревает изнутри.

— У нас так делает бабушка, — негромко сказала Полина. — Только с курицей.

— У каждой страны своя версия, — кивнул Эйрик. — Но смысл один: еда должна собирать людей за одним столом.

Когда плоккфискур наконец был готов, вся кухня наполнилась тёплым, обволакивающим запахом. Сёстры попробовали первыми, и Настя даже зажмурилась от удовольствия.

— Это очень вкусно, — честно сказала она.

Эйрик сдержанно кивнул, но по глазам было видно, что доволен.

За ужином гости тоже не остались равнодушны. Фрау Хельга попросила добавки, герр Клаус записал название блюда в свой блокнот, а Томас впервые попросил передать повару благодарность. Сигрун улыбалась, глядя, как гости едят.

— Хорошая кухня — половина отеля, — тихо сказала она Полине. — Если человек сытно поел и выспался, он простит любую погоду.

После ужина Полина осталась на кухне, помогая убирать посуду. Эйрик стоял у плиты и что-то напевал себе под нос — впервые за всё время. Это было так неожиданно, что Полина не сдержала улыбку.

— А ты умеешь быть весёлым, — заметила она.

— Только после удачного ужина, — ответил он, не оборачиваясь. — Готовка — это как разговор. Если получился, хочется петь.

— Тогда у тебя теперь будет много поводов.

Эйрик обернулся и посмотрел на неё серьёзно.

— Возможно.

Поздно вечером Настя сидела в гостиной с книгой, которую взяла с полки. Это оказался сборник исландских сказок — про троллей, скрытых людей и разных существ, о которых она раньше почти ничего не знала.

Страницы были старые, с запахом пыли и сушёных трав. Настя читала медленно, продираясь через непривычные имена и названия. В книге говорилось, что тролли — это огромные, неуклюжие существа, которые выходят из гор по ночам. Если их застанет рассвет, они превращаются в камень. Поэтому в Исландии так много скал причудливой формы: молчаливых троллей, застигнутых солнцем.

Отдельная глава была посвящена скрытым людям — хулдуфоулк. Настя сначала подумала, что это эльфы, но в книге говорилось, что всё сложнее. Скрытые люди похожи на обычных, только живут внутри холмов и больших камней. У них свои дома, свои поля, даже свои церкви. Увидеть их можно лишь в особые дни или если они сами этого захотят.

А ещё в книге рассказывалось про морских обитателей: про женщину-тюленя, которая сбрасывает шкуру на берегу и может остаться среди людей, если спрятать её кожу; про драугов

— беспокойных мертвецов, которые охраняют свои могилы; и про маленьких домовых, которые помогают по хозяйству, если их не обижать.

Настя листала страницу за страницей и всё больше понимала, почему исландцы такие спокойные и немногословные. В стране, где за каждым камнем может прятаться чей-то дом, волей-неволей научишься смотреть под ноги и не шуметь без причины.

Подошёл Оулавюр и присел рядом.

— Что читаешь? — спросил он.

— Про ваших троллей и скрытых людей, — отозвалась Настя. — У вас тут целый невидимый народ.

— Невидимый, но очень обидчивый, — усмехнулся Оулавюр. — Мы с детства знаем: если идёшь мимо странного камня, лучше поздоровайся. Вдруг там кто-то живёт.

— А если не поздороваться?

— Может ничего не быть. А может, потеряешь дорогу. У нас с этим не шутят.

Он помолчал, глядя на огонь.

— Многие думают, что это просто сказки. Но когда ты рождаешься среди таких вот полей, среди тумана и гор, начинаешь чувствовать: здесь есть кто-то ещё. Не злой, не добрый. Просто другой.

Настя перевела взгляд на тёмное окно. За стеклом не было ничего, кроме теней и редких огней. Но теперь ей казалось, что за этими тенями кто-то внимательно смотрит.

— А ты сам веришь? — спросила она тихо.

Оулавюр улыбнулся.

— Я не верю, но и не не верю. В Исландии с этим просто. Если гора стоит — значит, кто-то в ней живёт. Если камень лежит — значит, у него есть история.

— Красиво.

— Да. Только не всегда удобно, — он хмыкнул. — Например, когда дорогу прокладывают, а там эльфийский холм. Приходится огибать.

— И что, правда огибают?

— Правда.

Настя ещё долго сидела, переворачивая страницы. Ей нравилось, что в Исландии даже у камней есть своя жизнь. И хотя она не была уверена, что верит в скрытых людей, ей хотелось, чтобы они всё-таки существовали.

Глава 7. Охотники за эльфами

Ближе к полудню в отель заехала новая группа.

Настя как раз стояла у окна в гостиной, когда увидела, как к крыльцу подкатил видавший виды микроавтобус с прицепом. Из него начали выбираться люди — четверо, одетые в яркие непромокаемые куртки и тяжёлые ботинки. У двоих в руках были треноги, у одного — большая антенна, а у пожилой женщины — блокнот с потрёпанными уголками.

Полина подошла к стойке, поправила воротник и натянула вежливую улыбку. Она уже успела выучить: гости бывают разные, но вежливость нужна всегда.

Первым в фойе ворвался высокий мужчина лет пятидесяти с седеющей бородой и восторженными глазами.

— Добрый день! Мы забронировали четыре номера. Фамилия — Хартли. Это наша экспедиция!

— Добро пожаловать, — кивнула Полина, открывая журнал. — Вы путешествуете? Или работа?

— И то и другое, — вмешалась женщина с блокнотом, снимая капюшон. Под ним оказались короткие рыжие волосы и серьёзное лицо. — Мы исследуем феномен скрытых людей. Я — доктор Марта Хартли, этнограф. А это моя команда.

Она указала на бородача:

— Мой муж, Бен. Он отвечает за запись звуков и электромагнитных полей.

— Эмилио, — представился молодой парень с треногой. — Фотограф. Снимаю всё, что не хочет быть снятым.

— И Сатоши, — кивнул последний, невысокий мужчина с антенной. — Ловлю сигналы.

Полина аккуратно записала данные и выдала ключи.

— Вам повезло: у нас сейчас тихо. Но боюсь, с wi-fi могут быть перебои.

— Это не страшно, — отмахнулась Марта. — Мы не за интернетом приехали. Нам нужны места, где, по легендам, обитают скрытые люди.

Настя, стоявшая неподалёку, оживилась. Вечером она как раз читала про хулдуфоулк и не могла отказать себе в любопытстве.

— А вы правда верите, что их можно найти? — спросила она.

Марта посмотрела на неё с интересом.

— Верить — не совсем правильное слово. Мы фиксируем опыт. Если местные говорят, что у этого камня нельзя шуметь, мы не шумим. Если говорят, что ночью слышны шаги — слушаем. Иногда получается записать то, что нельзя объяснить.

— И что же вы записывали? — не удержалась Полина, оторвавшись от бумаг.

— Однажды — голос, похожий на женский, в пещере. Мы были одни, это точно. На записи — семь секунд шёпота.

Настя поёжилась.

— И что, жутко?

— Нет. Как будто кто-то просил не уходить.

Бен тем временем уже раскладывал в фойе свои приборы и что-то бормотал про «аномалию в этом секторе». Сатоши ходил вдоль стен с антенной, как ищейка. Эмилио снимал всё подряд: камин, серую кошку, деревянные балки, собственные ботинки.

— У нас тут скучно не будет, — тихо сказала Настя сестре.

— Это точно, — пробормотала та. — Надеюсь, они не разгромят отель в поисках невидимого.

После обеда Марта подошла к Сигрун.

— Нам нужен проводник. Кто-то, кто знает местные тропы и не будет смеяться над нашей задачей. Говорят, у вас есть такой.

Сигрун улыбнулась.

— Магнус. Он знает здесь каждый камень. Но не обещаю, что не будет смеяться. У него своеобразное чувство юмора.

— Пусть смеётся, — ответила Марта. — Лишь бы довёл.

Магнус появился через час. Он вошёл в фойе, бросил взгляд на треноги и антенны, потом на гостей, и на его лице проскользнуло что-то среднее между усталостью и любопытством.

— Это те самые охотники за эльфами? — спросил он у Сигрун по-исландски, но так, что сёстры поняли.

— Они предпочитают термин «исследователи», — тихо ответила Полина.

Магнус хмыкнул.

— Ладно. Завтра с утра отведу их к холму за рекой. Только пусть возьмут непромокаемую обувь. И не отстают.

Настя, которая слышала разговор, подошла.

— А можно мне с вами? — спросила она. — Ну, не как турист, а как помощница. Вдруг им что-то понадобится.

Магнус посмотрел на неё долгим взглядом.

— Ты же понимаешь, что мы не за эльфами пойдём, а мокнуть под дождём?

— Понимаю. Но мне всё равно интересно.

Он едва заметно пожал плечами.

— Тогда надень то, что не жалко испачкать. Выходим в восемь.

Вечером в гостиной гости расселись у камина. Пахло кофе и сушёными травами, которые Сигрун разложила по холщовым мешочкам. Серая кошка устроилась на коленях у Эмилио и громко мурлыкала, пока тот почёсывал её за ухом. Сатоши сидел у окна, крутил ручки приёмника, и из динамика доносился то шорох, то низкий гул, то вдруг — обрывок далёкой музыки, будто кто-то пел на другой частоте.

Марта достала потрёпанный блокнот, положила на стол и, глядя на огонь, начала рассказывать.

— Первая наша серьёзная экспедиция была на Вестманнаэйяр, — сказала она. — Это острова к югу отсюда. Там есть скала Хеймаэй, на которую местные не поднимаются в одиночку. Говорят, там живёт Хульдумадур — скрытый человек, который водит путников кругами, если они не попросили разрешения пройти.

Она перевернула несколько страниц.

— Мы шли туда три дня. Ночевали в старой рыбацкой хижине. И в первую же ночь услышали, как кто-то ходит вокруг дома — медленно, по кругу. Шаги были тяжёлые, как у человека в больших сапогах. Мы выходили с фонарями — никого. И так три раза за ночь.

— А утром, — подхватил Бен, — на земле нашли цепочку следов. Они обрывались у самой кромки воды. Но не было ни одной лодки, ни одного человека в округе.

— И что вы сделали? — спросила Настя, подавшись вперёд.

— Ушли оттуда, — просто ответила Марта. — И только потом, уже на пароме, узнали, что местные никогда не ночуют в той хижине. Считается, что она стоит на тропе скрытых людей.

Эмилио оторвался от кошки и добавил:

— Я тогда сделал серию снимков. На одном из них — фигура в тумане. Но я не помню, чтобы в тот момент кто-то был на берегу.

Он порылся в рюкзаке и достал стопку фотографий. На одной из них, в серой дымке, действительно угадывался силуэт — высокий, сгорбленный, будто человек в плаще.

Полина взяла снимок, всмотрелась.

— Может, просто дерево? Или камень?

— Может, — согласился Эмилио. — Но на том берегу не было ни одного дерева. И камень на этом месте появился только через месяц после нашего отъезда. Я проверял.

Полина вернула снимок и переглянулась с Настей.

— Мы не говорим, что нашли доказательства, — сказала Марта. — Мы говорим, что есть вещи, которые не объясняются только логикой. Например, в прошлом году мы работали в Хёбне. Там есть пустошь, где по ночам слышен звон — будто колокольчик. Очень тонкий, далёкий. Мы ставили микрофоны, шумомеры — ничего. А сами слышим. И местные слышат. Говорят, это пастушка, которая потеряла овец и до сих пор зовёт их.

Сатоши, который до этого молчал, оторвался от приёмника.

— В Японии тоже есть такие истории. Мы называем их «каёби» — голоса из-за горы. Моя тетя говорила, что это духи тех, кто не успел вернуться домой. Я приехал сюда, потому что хочу понять, почему в разных концах света люди слышат одно и то же.

— И что же ты слышишь здесь? — тихо спросила Настя.

Сатоши на секунду прикрыл глаза.

— Пока только ветер. Но он здесь... другой. Как будто что-то хочет сказать, но ждёт, когда ты перестанешь бояться.

В гостиной повисла тишина. Даже кошка перестала мурлыкать. За окном шумел дождь, и в этом шуме Насте снова почудились чьи-то шаги.

— Мы завтра пойдём к холму за рекой, — сказала Марта. — Там, по словам Сигрун, есть камень, который местные обходят стороной. Нам нужен тот, кто знает тропу. И тот, кто не будет задавать лишних вопросов.

— Магнус пойдёт, — сказала Полина. — А с ним, кажется, и Настя.

Настя вздрогнула, будто её вывели из транса.

— Да, я иду. В восемь.

— Тогда советую лечь пораньше, — улыбнулась Марта. — Те, кто встаёт с рассветом, иногда видят то, чего не видят любители долго спать.

Когда все разошлись по комнатам, Настя ещё долго стояла у окна. Дождь стучал по стеклу, и за пеленой воды угадывались тёмные силуэты гор. Ей вдруг показалось, что один из силуэтов шевельнулся. Она зажмурилась, снова открыла глаза — нет, просто тень от облака.

Но по спине всё равно пробежал холодок, и Настя поняла: завтрашний поход будет не просто прогулкой.

Утро выдалось серым, но сухим. Настя вышла из отеля ровно в восемь, как и договаривались. На ней были ботинки, которые она считала самыми надёжными, и старая куртка, доставшаяся от Полины. Волосы она заплела в тугой хвост, чтобы не лезли в лицо.

У крыльца уже ждали Марта, Бен, Эмилио и Сатоши. Магнус стоял чуть в стороне, поправляя лямки рюкзака. Увидев Настю, он коротко кивнул.

— Вовремя.

— Я старалась, — ответила она и постаралась улыбнуться.

Путь начинался сразу за отелем. Тропа вела вдоль реки, которая шумела где-то внизу, прячась за камнями. Ветра почти не было, но воздух казался плотным, пропитанным влагой и запахом мха.

Магнус шёл первым, задавая ровный темп. За ним — Марта с Беном, дальше — Настя, а замыкали группу Эмилио и Сатоши. Полина осталась в отеле помогать с завтраком, Настя пообещала записать все странности, если они увидят кого-нибудь невидимого.

— Расскажи про этот холм, — попросила Марта, когда они перешли через деревянный мостик.

— Это не холм, — отозвался Магнус, не оборачиваясь. — Это каменная гряда. Местные называют её Троллахейджи, потому что похожа на тролля, который лёг отдохнуть и заснул.

— А камень, который обходят? — спросил Бен, на ходу настраивая диктофон.

— Он на другом берегу. Чёрный, с трещиной посередине. Старики говорили, что в этой трещине живёт хулдуфоулк. Если посидеть рядом тихо, можно услышать, как внутри поют.

— Прямо поют? — переспросил Эмилио.

— Так говорят. Я не проверял. Мне хватает того, что там красиво.

Настя слушала и всё сильнее чувствовала, как обычная прогулка превращается во что-то иное. Словно сам воздух становился гуще, а звуки — дальше.

Через полтора часа они вышли к реке. Здесь она расширялась и текла спокойнее, отражая серое небо. За рекой поднималась та самая гряда — длинный каменный хребет, поросший мхом. Один из камней действительно напоминал спящего великана.

— Красиво, — прошептала Настя.

Магнус остановился и посмотрел на неё.

— Это одно из мест, где не хочется говорить громко.

Перешли реку по камням, осторожно, держась друг за друга. Сатоши включил приёмник, и из динамика донёсся низкий гул, похожий на дыхание. Он нахмурился, но ничего не сказал.

Наконец они добрались до камня с трещиной. Он стоял в стороне от тропы, будто не хотел быть на виду. Чёрный, обточенный ветром, с глубокой щелью, уходившей в темноту.

— Вот он, — сказал Магнус. — Не подходите близко к краю. И не суйте руки в трещину.

— Почему? — спросила Марта.

— Потому что никто не знает, что там внутри.

Бен аккуратно поставил микрофон у камня. Эмилио снимал. Сатоши водил антенной, хмурясь всё сильнее.

— Здесь что-то есть, — тихо произнёс он. — Слабый сигнал, но очень ровный. Как будто... работает какой-то прибор.

— Или кто-то дышит, — без улыбки добавила Марта.

Настя стояла в нескольких шагах и смотрела на трещину. Ей почудилось, что оттуда тянет прохладой и едва уловимым запахом — не то сырой земли, не то старых листьев.

Магнус подошёл и встал рядом.

— Не смотри туда слишком долго, — сказал он негромко.

— Почему?

— Можно увидеть то, чего не ждёшь.

Она не успела ответить. Из трещины раздался звук — низкий, протяжный, похожий на стон или далёкое пение. Все замерли. У Бена в руках мигнул индикатор диктофона.

— Вы слышали? — прошептала Марта.

— Это ветер, — спокойно сказал Магнус. — Но не обычный. Он проходит сквозь камень, как через трубу.

— Нет, — покачал головой Сатоши. — Ветер так не звучит. Слишком ритмично.

Звук повторился. Теперь он был тише, но отчётливее — будто кто-то напевал без слов. Настя почувствовала, как по спине побежали мурашки, но страха не было. Только холодное, звенящее любопытство.

— Записывай, — шёпотом приказала Марта Бену.

Тот уже записывал, не сводя глаз с камня.

Эмилио щёлкал затвором, ловя тени. Сатоши медленно опустил антенну и попятился.

— Надо отойти, — сказал он. — Сигнал усиливается.

Магнус взял Настю за локоть.

— Пойдём. Достаточно.

Они отошли к реке. Звук постепенно стих, растворился в шуме воды. Все молчали, переваривая произошедшее.

— Это было... — начал Бен, но не договорил.

— Странно, — закончила за него Марта. — Очень странно и очень красиво.

— Я не думаю, что это были скрытые люди, — тихо сказал Магнус, глядя на воду. — Но это место точно не любит, когда его тревожат.

Настя села на большой валун и обхватила колени. Ей хотелось одновременно смеяться и плакать — так странно всё это было.

— Ты в порядке? — спросил Магнус.

— Да, — ответила она. — Просто не ожидала, что поход за эльфами окажется... таким.

— Здесь всё такое, — он едва заметно улыбнулся. — Главное — не переставать удивляться.

Обратный путь прошёл в молчании. Каждый думал о своём. Настя несколько раз оборачивалась на камень, но он уже скрылся за поворотом.

В отеле их встретила Полина с чаем и расспросами.

— Ну? — нетерпеливо спросила она. — Видели кого-нибудь?

— Нет, — ответила Настя. — Но слышали. И это было...

Она замолчала, подбирая слово.

— Живо, — наконец сказала она. — Очень живо.

Полина перевела взгляд на Магнуса.

— А ты что скажешь?

— Скажу, что твоя сестра хорошо ходит по горам. И что нам надо повторить. В другой раз.

Он развернулся и ушёл, а Полина многозначительно посмотрела на сестру.

— «Хорошо ходит по горам», — повторила она. — Это уже почти объяснение в любви.

— Замолчи, — буркнула Настя, но уши у неё порозовели.

Глава 8. Огни Рейкьявика

К середине декабря дни стали совсем короткими. Свет появлялся лишь на несколько часов, да и тот был каким-то приглушённым, будто солнце не могло подняться выше гор. Но в отеле от этого не становилось тоскливо. Наоборот, с каждым днём всё сильнее пахло праздником.

Сигрун достала из кладовой коробки с гирляндами, свечами и старыми ёлочными игрушками. Оулавюр обещал привезти небольшую живую ель, которую присмотрел у фермера за холмами. А Полина каждый вечер записывала список того, что нужно докупить.

— Нам не хватает нормальных украшений, — сказала она однажды за завтраком. — Половина гирлянд не работает, а те, что есть, выглядят так, будто пережили извержение.

— Потому что пережили, — спокойно ответила Сигрун. — В прямом смысле. В семьдесят третьем, когда вулкан Эльдфетль проснулся, часть вещей эвакуировали вместе с людьми. Эти гирлянды до сих пор работают через раз.

Полина уважительно замолчала.

— Но вы правы, — продолжила Сигрун. — Пора обновить. Поедете в Рейкьявик. Заодно посмотрите столицу, раз уж вы здесь.

Настя оживилась:

— А можно мы с Полиной вдвоём? Без туристов, без работы. Просто походить.

— Можно, — улыбнулась Сигрун. — Только возьмите с собой кого-нибудь, кто знает город. Магнус всё равно собирался заехать в порт. Он вас подбросит.

— Подбросит, — повторила Полина, глядя на сестру. — Очень удобно.

— Перестань, — шепнула Настя и уткнулась в чашку.

Выехали ранним утром. Магнус, как всегда, появился молча, загрузил в багажник пустые коробки для покупок и открыл перед сёстрами дверцу.

— Дорога займёт около двух часов, — сказал он, садясь за руль. — Если не остановимся у водопада.

— А мы можем остановиться? — сразу спросила Настя.

— Если захотите.

Полина сзади выразительно кашлянула, но промолчала.

Дорога была пустой, но не унылой. За окнами тянулись всё те же лавовые поля, только теперь их припорошило тонким слоем снега. Снег лежал неровно — на чёрных камнях он казался синим, в низинах — почти белым, а там, где из-под земли поднималось тепло, и вовсе таял, оставляя влажные тёмные пятна.

Магнус вёл машину молча, но время от времени показывал рукой на что-нибудь за окном.

— Вот там, за холмом, ферма, где делают лучший скюр, — сказал он. — Хозяева держат всего шесть коров, но молоко у них особенное. Говорят, всё дело в траве, которая растёт на лаве.

— А что с ней не так? — спросила Настя, прижимаясь к стеклу.

— Она жёсткая, с горьковатым привкусом. Коровы едят её, а потом дают молоко, из которого скюр получается густой, почти как сыр. Вкус не спутаешь ни с чем.

Полина смотрела в окно и молчала. Ей нравилось, как Магнус рассказывает: без лишних слов, но так, что перед глазами всё вставало само собой.

Через несколько километров он снова кивнул в сторону:

— Видите реку? Она уходит под лаву. На поверхности остаётся только узкая лента, а потом вода исчезает в трещине и течёт внутри земли. Поэтому здесь почти не бывает наводнений — река сама знает, куда ей идти.

— Прямо знает? — усмехнулась Полина.

— В Исландии у всего своя воля, — серьёзно ответил Магнус. — Даже у воды.

Настя перевела взгляд на тёмную полосу вдалеке. Ей вдруг представилось, как внизу, под каменной толщей, бесшумно несётся река, и от этого стало не по себе и одновременно волнующе.

— А вон та гора, — Магнус показал на массивный силуэт, заслонявший полнеба, — похожа на спящую женщину. Видите? Вот её лоб, вот плечи. Она лежит на спине и смотрит в небо.

— Есть легенда? — спросила Настя.

— Есть. Говорят, это была великанша, которая ждала мужа из моря. Он обещал вернуться, но не вернулся. Тогда она легла на берег и уснула, чтобы не умереть от горя.

— И всё ещё спит? — тихо спросила Полина.

— Спит. Но иногда, когда с моря приходит туман, слышно, как она вздыхает.

Машина поднялась на пригорок, и за окном мелькнуло тёмно-серое море. Оно лежало вдалеке, ровное и тяжёлое, будто из жидкого металла. Над ним висели низкие облака, подсвеченные изнутри бледным зимним солнцем.

— Красиво, — прошептала Настя.

— Это ещё что, — сказал Магнус. — В мае, когда ночи становятся светлыми, море здесь серебрится, как рыбья чешуя. А в декабре оно вот такое — тёмное, но тёплое. Парадокс.

— Тёплое? — недоверчиво переспросила Полина.

— Для тех, кто родился здесь, — пояснил он. — Нам такой пейзаж кажется уютным. А вот пальмы на открытках — это уже страшно.

Сёстры рассмеялись. Магнус редко шутил, но когда это случалось, выходило неожиданно и оттого ещё смешнее.

Некоторое время ехали молча. За окнами проплывали то каменные гряды, поросшие мхом, то пустые поля, на которых ветер чертил извилистые следы, то одиночные фермы с красными крышами, похожие на маяки среди белого безмолвия.

— Тут не бывает скучно, — вдруг сказала Настя, глядя на дорогу. — Даже когда ничего не происходит, всё равно что-то чувствуешь.

— Это потому, что ты не отгораживаешься, — отозвался Магнус. — Люди, которые приезжают сюда, сначала пугаются пустоты, а потом начинают её слышать.

— И что они слышат? — спросила она.

— Себя. Или то, что больше себя.

Полина, сидевшая сзади, тихонько вздохнула. Ей тоже было о чём подумать.

— У вас тут всё на что-то похоже, — заметила Полина.

— Люди так устроены, — ответил он. — Им нужно, чтобы у всего было имя и история.

Потом Магнус заговорил снова. Он смотрел на дорогу, но голос его звучал так, будто он рассказывал не попутчикам, а самому себе.

— Рейкьявик — это не просто столица. Это место, с которого началась Исландия.

— В смысле — географически? — уточнила Полина.

— И географически, и как идея. Когда Ингольфур Арнарсон плыл сюда из Норвегии, он не знал, где остановиться. Тогда он бросил в воду резные столбы от своего дома и сказал: «Где их прибьёт к берегу, там и будет мой дом».

— И что, прибило прямо к Рейкьявику? — спросила Настя.

— Да. Но не сразу. Три года его рабы искали эти столбы вдоль берега. А нашли в заливе, который теперь называется Рейкьявик. Ингольфур сдержал слово. Построил хутор, начал жить. А место назвал «дымящаяся бухта» — из-за горячих источников, которые поднимались из земли.

— То есть сначала это был просто хутор? — переспросила Полина.

— Именно. Маленький дом, амбары, несколько полей. Вокруг — ничего. Только пар, камни и море. Долгое время Рейкьявик оставался крошечным поселением. Люди жили на хуторах, рыбачили, разводили овец. Настоящего города не было.

— А когда всё изменилось? — спросила Настя.

— В восемнадцатом веке, — ответил Магнус. — Датчане, которые тогда управляли Исландией, решили, что стране нужен центр. Выбрали Рейкьявик, потому что там были источники и удобный залив. Сначала построили мастерские, потом склады, потом дома для торговцев. Постепенно потянулись люди.

Он на секунду замолчал, обгоняя медленную фуру.

— А в девятнадцатом веке случилось то, что изменило всё. В тысяча восемьсот сорок пятом в Рейкьявике начал работать парламент. Это был важный знак. Исландцы поняли, что у них снова есть свой голос. Потом открыли школы, больницу, порт. Город рос медленно, но упрямо.

— А сейчас он какой? — спросила Полина.

— Сейчас это самый северный столичный город мира, — сказал Магнус. — Небольшой, но очень живой. В нём нет небоскрёбов, зато есть дома с яркими крышами, старые причалы, где до сих пор пахнет рыбой, и улицы, по которым зимой гуляет ледяной ветер.

— Звучит сурово, — заметила Настя.

— Так и есть, — кивнул он. — Но те, кто приезжает сюда в декабре, видят не суровость, а огни. Рейкьявик в темноте светится, как маленькая галактика. Люди зажигают свечи в окнах, вешают гирлянды, и кажется, что город сам становится праздником.

Магнус замолчал, и в салоне снова стало тихо.

— А мы успеем увидеть его огни? — спросила Настя.

— Уже видишь, — сказал он и кивнул вперёд.

Там, за серыми холмами, на горизонте начинало разгораться зарево. Сначала — едва заметное, как отблеск костра. Потом всё ярче, шире, пока не стало ясно: это не пожар и не закат, а тысячи огней, рассыпанных по тёмной земле.

Рейкьявик проступал из темноты постепенно, как проступает из воды камень. Огни становились домами, дома — улицами, улицы — целым городом, раскинувшимся вдоль залива.

— Вот и он, — негромко сказал Магнус. — Рейкьявик. Дымящаяся бухта.

Настя прижалась лбом к холодному стеклу и не могла отвести взгляд. Ей казалось, что они едут не в столицу, а в сказку, которая всё это время ждала их за холмами.

Они въехали в город, когда небо окончательно потемнело, но Рейкьявик и не думал погружаться в сон. Наоборот, с наступлением темноты он будто разгорался ярче.

Магнус припарковал машину на тихой улочке и повёл сестёр к центру. Под ногами похрустывал снег, смешанный с солью, где-то рядом гудели шины, а из приоткрытых дверей кафе пахло корицей и свежим хлебом.

— Ну вот, — сказал он, останавливаясь на небольшом перекрёстке. — Это Лёйгавегур. Главная торговая улица. Днём здесь полно народу, вечером — тоже.

— У вас тут как будто никто не спит, — заметила Полина, оглядывая витрины.

— Зимой — да. Темнота не повод сидеть дома. Мы компенсируем нехватку света гирляндами и разговорами.

Улица действительно светилась. Над головами висели цепочки лампочек, в окнах домов мерцали свечи, а на дверях кафе были прикреплены венки из сухих трав и ягод. Всё казалось маленьким, уютным, будто декорации к доброму фильму.

Они шли медленно, останавливаясь у витрин. Настя засматривалась на керамические кружки с исландскими рунами, на шерстяные носки с овцами, на крошечные домики из лавы. Полина то и дело заглядывала в телефоне карту, но потом сдалась и просто пошла за Магнусом.

— Вот это церковь, — он показал на высокое белое здание, возвышающееся над крышами. — Хадльгримскиркья. Её строили почти сорок лет. Говорят, архитектор хотел, чтобы она напоминала базальтовые колонны, которые встречаются на южном побережье.

— Похоже на ледяной утёс, — сказала Настя.

— Или на руку, которая тянется к небу, — добавила Полина.

— Каждый видит своё, — ответил Магнус. — Поэтому сюда и приходят.

Они свернули на площадь. Вокруг стояли небольшие домики с яркими крышами, у входа в один из них горел костёр в железной чаше. Люди сидели на деревянных лавках, пили что-то горячее и разговаривали, не обращая внимания на холод.

— А теперь зайдём сюда, — сказал Магнус, останавливаясь у тёмно-зелёной двери. Над ней висела табличка с исландским названием, которое Настя не смогла прочитать с первого раза. — Здесь мой знакомый держит книжную лавку. Он поможет выбрать сувениры, если захотите. И заодно передам ему кое-что.

Внутри было тесно и тепло. Пахло старой бумагой, кофе и воском. Вдоль стен до потолка громоздились стеллажи с книгами, а на полу стояли корзины с открытками и картами. У кассы, облокотившись на деревянную стойку, сидел молодой человек лет двадцати семи. У него были светлые волосы, чуть взъерошенные, очки в тонкой оправе и расстёгнутая фланелевая рубашка поверх футболки. Он что-то читал, но, услышав звон дверного колокольчика, поднял голову.

— О, Магнус! — улыбнулся он. — Я уж думал, ты решил не заезжать.

— Привет, Арнар, — ответил Магнус, пожимая ему руку. — Привёз тебе журналы от отца. И вот, — он кивнул на сестёр, — это Настя и Полина. Работают в «Храуне».

Арнар перевёл взгляд на девушек, и его улыбка стала чуть шире.

— Настя и Полина, — повторил он, растягивая имена, будто пробовал их. — Красиво звучит. Вы из России?

— Из Перми, — ответила Полина.

— Это где-то у Урала, да?

— Да, — кивнула Настя. — Ты знаешь про Урал?

— Я в детстве увлекался картами, — признался Арнар, выходя из-за стойки. — Особенно картами далёких мест, где много снега и лесов. Так что немного.

Он оказался невысоким, но ладным, с живыми серыми глазами и лёгкой, почти мальчишеской манерой говорить. Настя поймала себя на том, что улыбается в ответ.

— Если вам нужно что-то найти, — сказал Арнар, обводя рукой лавку, — говорите. У меня есть книги на английском, карты, открытки, пластинки с исландской музыкой, даже старые выпуски журналов про йоласвейны.

— Про йольских парней? — переспросила Настя.

— Ты уже о них слышала? — оживился Арнар. — Это отлично. Значит, подготовленная гостья.

— Совсем немного, — призналась Настя. — В одной лавке нам рассказали, что у вас не один Санта, а целых тринадцать. И что они приходят по очереди, а непослушным детям оставляют картофелину.

Арнар рассмеялся.

— Всё так. Только на самом деле всё ещё интереснее.

Он вышел из-за прилавка, снял с полки тонкую книжку в тёмной обложке и раскрыл на первой странице.

— Смотри. Это йольские парни, по-исландски — йоуласвейнар. Они сыновья великанши Грилы и Леппалуди, её третьего мужа. Грила — жуткая старуха, которая спускается с гор на Рождество, чтобы найти непослушных детей. А с ней ходит кот, огромный, чёрный, он съедает тех, кто не получил к празднику новую одежду. Поэтому у нас до сих пор принято дарить друг другу хотя бы носки или шарф.

— Милый способ избежать смерти, — заметила Полина.

— Очень исландский, — кивнул Арнар. — А сами парни не такие страшные. Они приходят в города и сёла по одному, начиная с двенадцатого декабря. Каждый остаётся на одну ночь. Всего тринадцать ночей до Рождества.

— И все они разные? — спросила Настя.

— Конечно. У каждого своё имя и свои дурацкие привычки. Первый — Стеклянный Глаз. Он ворует блестящие вещи и прячет их в пещере. Второй — Подглядывающий в Окна. Он заглядывает в дома, чтобы понять, что можно украсть. Третий — Обглодыш, который таскает кости с кухни. Есть ещё Свечной Попрошайка, Колбасник, Дверной Нюхач, Простоквашный Вор. Имена звучат как прозвища, но у нас они официальные.

Он перелистнул страницу и показал смешные рисунки: человечки в старых кофтах, с большими носами и хитрыми глазами.

— Они не злые, — продолжал Арнар. — Скорее, голодные и любопытные. Если ребёнок был послушным, парень оставляет подарок. Если нет — картофелину. Но за много лет они сами поняли, что картофелина — не лучший способ пугать детей, поэтому теперь шалят в меру.

— А ты в детстве получал картофелину? — поинтересовалась Полина.

— Однажды, — Арнар улыбнулся. — Мне было семь, и я разбил мамину любимую чашку. Утром нашёл в ботинке не конфету, а маленькую, очень грустную картофелину. До сих пор помню её лицо.

— У картофелины было лицо? — не поняла Настя.

— Конечно. Мама всегда рисовала на ней глаза и рот, чтобы я не слишком расстраивался. Это тоже традиция.

Он закрыл книгу и вернул её на полку.

— В общем, с этими парнями не соскучишься. А если останетесь у нас до католического Рождества, сами увидите, как они гуляют по улицам. В Рейкьявике их очень любят.

— Мы работаем в «Храуне», — напомнила Полина. — У нас своя компания.

— Тогда, может, они заглянут и к вам, — с серьёзным видом сказал Арнар. — Особенно Свечной Попрошайка. Он обожает отели.

Настя рассмеялась.

— Передай ему, что у нас свечи стоят на каждом подоконнике.

— Обязательно, — пообещал Арнар и снова посмотрел на неё так, будто кроме них в лавке никого не было.

После этого разговора Арнар ещё какое-то время показывал Насте старые открытки с йольскими парнями. На одной из них они были нарисованы смешными, почти мультяшными, с длинными бородами и худыми ногами. На другой — стояли на снежном склоне и смотрели на далёкие огни.

— Вот таких обычно вешают на окна, — пояснил Арнар. — Чтобы парни видели: их здесь ждут, но не слишком боятся.

— А что, если не повесить? — спросила Настя.

— Тогда они могут решить, что в доме скучно, и заглянуть без приглашения. Лучше уж показать, что ты знаешь правила.

Настя улыбнулась. Ей нравилась эта смесь страшилки и уюта, пропитавшая всё вокруг.

Магнус, который всё это время стоял у двери, наконец подал голос:

— Мы не на всю ночь. Хотели успеть в ресторан.

Арнар поднял руки:

— Всё-всё, не мешаю. Но вы заходите. Тем более что у нас скоро появится новая партия открыток с рунами. Думаю, Настя оценит.

— С рунами? — оживилась она.

— Потом, — мягко перебил Магнус. — Сначала ужин.

Сёстры попрощались, и Арнар открыл перед ними дверь.

— Уголки, о которых не пишут в путеводителях, — негромко повторил он, глядя Насте вслед. — Это не шутка.

Эта фраза означает, что Арнар не просто болтает ради вежливости. Он предлагает показать Насте не туристические открыточные места, а те уголки Рейкьявика, которые знают только местные: тихие дворики, старые кофейни, проходы между домами, камни с историями, набережные, куда не водят экскурсии.

Настя не сразу поняла, что он имеет в виду. А когда поняла, почувствовала, как к щекам приливает тепло. Он ведь не просто говорил о городе. Он предлагал ей увидеть его иначе — не как случайной гостье, а как той, кого стоит провести за руку по невидимым тропам.

Настя обернулась, коротко улыбнулась и вышла в холодный вечер.

Снег пошёл сильнее. Крупные хлопья кружились в свете уличных фонарей и ложились на плечи. Пахло солью, дымом и где-то — свежей выпечкой. Рейкьявик гудел, но не шумно, а ровно, как большой тёплый дом.

Полина натянула капюшон и ускорила шаг.

— Ну и лавочка, — сказала она. — Я туда ещё приду. Только одна. Без вас.

— Это ещё почему? — не поняла Настя.

— Потому что рядом с тобой я чувствую себя невидимой. Все, кто там был, смотрели только на тебя.

— Полин, не начинай, — беззлобно отмахнулась Настя.

— Я не начинаю. Я констатирую.

Магнус, который шёл чуть впереди, остановился у перекрёстка и обернулся.

— Он интересовался тобой, — сказал он Насте, не сбавляя шага. — Арнар. Это было видно.

— И ты туда же? — Настя закатила глаза.

— Просто чтобы ты знала.

Он свернул на узкую улочку, ведущую вниз, к ресторану. Под ногами скрипел снег, впереди горели тёплые окна.

Ресторан, куда привёл их Магнус, находился в подвале старого дома. Спускаться нужно было по узкой лестнице, стены которой были выкрашены в тёмно-синий, а на ступенях горели маленькие свечи.

Внутри было шумно, но не раздражающе: стучали приборы, гудели разговоры, из открытой кухни доносился запах жареного мяса и морской соли. Официант, высокий парень с татуировками и улыбкой до ушей, усадил их за стол у окна.

— Здесь кормят традиционной едой, но не такой, как для туристов, — сказал Магнус. — Морепродукты, баранина, корнеплоды. Всё свежее.

Он открыл меню и быстро пробежал глазами.

— Рекомендую попробовать плоккфискур, если вы ещё не ели, и запечённую баранину с розовым картофелем. На десерт — скюр с ягодами и карамелью.

— А я хочу что-нибудь необычное, — сказала Настя.

— Тогда возьми гребешки с пюре из сельдерея и соусом из исландского мха. Местная классика, но выглядит как произведение искусства.

— А мох едят? — удивилась Полина.

— Едят, — серьёзно ответил Магнус. — У нас всё, что растёт, можно попробовать. Вопрос только — в каком виде.

Сёстры заказали по его совету. Когда принесли блюда, Настя долго разглядывала свою тарелку: три поджаренных гребешка лежали на бледно-зелёном пюре, а рядом, тонкой линией, тянулся тёмный соус, пахнущий лесом и дымом.

— Нереально, — прошептала она, пробуя.

— Ну как? — спросил Магнус.

— Как будто съела кусочек Исландии.

Он тихо усмехнулся.

— Значит, тебе передают привет.

Полина попробовала баранину. Мясо было мягким, чуть сладковатым, с корочкой из трав.

— Это вкусно, — признала она.

— Мы готовим без лишнего, — сказал Магнус. — Главное — продукт и огонь.

— Тогда Эйрику стоит у тебя поучиться, — пошутила Настя.

— Эйрик и так всё знает, — спокойно ответил Магнус. — Он просто не всегда так делает.

За окном ресторана медленно падал снег. Люди проходили мимо, кутаясь в шарфы, где-то играла музыка. И в этом подвальчике, среди запахов еды и приглушённого света, сёстрам впервые показалось, что они не просто гости — а часть этого города, его медленной, спокойной жизни.

Когда они вышли на улицу, было уже совсем темно, но город всё так же светился, рассыпая по снегу тёплые отблески.

— Спасибо, — сказала Настя Магнусу. — За этот день.

— Пока не за что, — ответил он. — Самое интересное впереди.

И было непонятно, говорит он о городе, о празднике или о чём-то ещё. Но Настя вдруг почувствовала, что этот день останется с ней надолго.

После ресторана они прошли по лавкам и купили несколько вязаных овец, деревянные звёзды и длинную гирлянду, которая должна была пережить любую погоду.

Потом заглянули в книжный магазин, где пахло кофе и бумагой. Настя нашла открытку с тем самым водопадом, который они в детстве вырезали из журнала. Полина купила книгу исландских рецептов с пометками от руки.

— Полезно для кухни, — сказала она, хотя Настя заметила, как сестра погладила обложку.

Из книжного они вышли, когда на город окончательно опустился вечер. Снег всё шёл, медленный и мягкий, как будто не хотел никого беспокоить. Улицы опустели, но от этого не стали холоднее. Наоборот, в тишине угадывалось что-то живое, спокойное.

Магнус ждал их у входа, прислонившись к фонарному столбу, и смотрел в сторону залива.

— Ну как? — спросил он, не оборачиваясь.

— Мы всё купили, — отрапортовала Полина, прижимая к груди пакет с гирляндой. — Даже больше, чем планировали.

— Это нормально для первого раза. Рейкьявик умеет уговаривать.

Они медленно пошли по улице. Витрины уже погасли, но в окнах домов всё ещё горели свечи — маленькие огоньки дрожали за стёклами, будто передавали друг другу привет.

— А куда мы теперь? — спросила Настя.

— К машине. Через набережную. Там красиво.

Он свернул на узкую дорожку, ведущую к морю. Под ногами хрустел снег, где-то вдали мигал маяк, и его свет ложился на тёмную воду тонкой дорожкой.

Настя остановилась.

— Смотрите.

Из-за горизонта поднимался кусок луны — огромный, мутный, будто нарисованный мелом. Он висел низко над водой, и от него по заливу разливалось ровное серебристое сияние.

— Это потому, что небо чистое, — тихо сказал Магнус. — Зимой луна здесь особенно близко.

Они постояли ещё немного, слушая, как волны лижут каменные плиты. Потом Магнус легонько тронул Настю за плечо:

— Идём. Пока вы не замёрзли.

В машине было тихо и тепло. Настя села вперёд и положила пакет с открыткой на колени. Полина устроилась сзади и всю дорогу молчала, глядя в окно, где проносились тёмные поля.

— Я, наверное, приеду сюда ещё, — вдруг сказала Полина.

— В Рейкьявик? — удивилась Настя.

— Да. Просто побродить. Пожить в гостинице, где завтрак приносят в номер.

— Звучит как план, — усмехнулся Магнус.

— Или как каприз, — добавила Полина. — Но я имею право.

— Имеешь, — кивнул он. — Только предупреждаю: город быстро привязывает. Можно приехать на три дня, а остаться на три года.

— Ты так и сделал? — спросила Настя.

— Я там родился. Мне не нужно было оставаться. Но я всё равно возвращаюсь туда чаще, чем хочу признавать.

Разговор снова утих. Дорога уходила в темноту, фары выхватывали из мрака то каменную гряду, то мост, то одинокий дорожный знак с исландской надписью. Настя прислонилась к стеклу и смотрела, как за окном проплывает страна, которая с каждым днём всё меньше казалась чужой.

Когда впереди показались огни «Храуна», Полина тихо выдохнула:

— Мы вернулись.

— Ну, вот и дом, — сказал Магнус, сворачивая на подъездную дорожку.

Отель встретил их тёплыми окнами и запахом хвои. Оулавюр уже выгрузил из сарая деревянные ящики с ёлочными игрушками, а Сигрун раскладывала на стойке свечи и ленты. Эйрика не было видно — наверное, снова колдовал на кухне.

— Ну наконец-то! — воскликнула Сигрун. — А мы тут уже начали переживать. Купили?

— Даже больше, чем нужно, — сказала Полина, выкладывая на стол покупки. — Вот гирлянда. Она переживёт что угодно.

— Отлично. А это что за овцы?

— Это для камина. Чтобы гости знали, что Рождество близко.

Сигрун взяла одну овцу, повертела в руках и улыбнулась:

— Они как живые.

— Я ещё купила открытку, — тихо сказала Настя, показывая её сестре. — С тем самым водопадом. Как в детстве.

Полина подошла и посмотрела.

— Тот самый, — повторила она. — Надо будет её повесить.

— В нашей комнате.

— Обязательно.

Магнус, который всё это время стоял у двери, наконец снял куртку.

— Я поеду, — сказал он. — Завтра заеду, помогу с украшениями.

— Останься на ужин, — предложила Сигрун.

— Не могу, но спасибо.

Он кивнул сёстрам, и его взгляд на мгновение задержался на Насте.

— Увидимся.

— Увидимся, — ответила она, и снова почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

Когда дверь за ним закрылась, Полина потянула сестру в гостиную.

— Идём пить какао. Я видела, что Эйрик оставил на плите кастрюлю.

— Ты и какао — это чудесно, — призналась Настя.

— Ну, не я же виновата, что ты влюбилась в страну и в гида.

— Я не влюблялась в гида.

— Конечно, — Полина подмигнула. — Просто так дышишь через раз.

Настя толкнула её плечом, но беззлобно. Они устроились в гостиной, и сёстры пили горячее какао, глядя, как за окном падает снег. Впереди была целая зима, и она обещала быть совсем не такой, как в Перми.

Глава 9. Новый год на краю света

Рождество в «Храуне» отметили тихо и по-домашнему. Двадцать четвёртого декабря Сигрун накрыла стол в главном зале — с копчёной бараниной, ржаным хлебом с резными узорами и пирогами с ревенем. Гости и сотрудники сидели вместе, и никто не спешил расходиться. Эйрик подарил всем по книге — так здесь было принято: в канун Рождества исландцы дарят друг другу книги и всю ночь читают их в постели, устроившись под тёплым одеялом. Эта традиция называется Йолебокафльод.

Настя получила сборник саг, Полина — книгу о травах и кулинарии, а Оулавюр, который утверждал, что «книги — это для тех, кто умеет сидеть на месте», всё равно унёс домой тоненький детектив и на следующее утро признался, что прочитал его за один вечер.

— А откуда пошла эта традиция? — спросила Настя, разглядывая обложку сборника саг.

Сигрун улыбнулась и подсела ближе.

— Ей не так много лет, как кажется. Всё началось во время Второй мировой войны. Исландия тогда была бедной, и на импорт почти всех товаров ввели жёсткие ограничения. Купить хорошие подарки было почти невозможно.

— И тогда решили дарить книги?

— Именно. Бумага оказалась одним из немногих товаров, на которые эти ограничения не распространялись так строго. Поэтому книги стали самым доступным и желанным подарком. Люди дарили их друг другу на Рождество, а потом всю ночь читали, устроившись под тёплым одеялом.

— И традиция осталась?

— Осталась. Каждый ноябрь издатели до сих пор рассылают по домам бесплатный каталог новых книг и люди выбирают подарки заранее. А в сочельник все дарят друг другу книги, заваривают какао и читают до поздней ночи. Такой вот «книжный потоп», или Йолебокафльод.

Дети из соседних ферм приходили колядовать, и Сигрун угощала их печеньем, а Бьёрн, который обычно избегал шума, на этот раз сам предложил поставить в зале ёлку.

К утру тридцать первого декабря «Храун» было не узнать.

Снегопад, начавшийся ночью, укутал отель до самых окон. Крыша, карнизы, перила крыльца — всё превратилось в белые холмы, и казалось, что дом на лаве затаил дыхание, дожидаясь праздника.

Внутри пахло хвоей, воском и горячим вином. Вдоль потолочных балок тянулись гирлянды с тёплыми лампочками, на каждом подоконнике горели свечи в стеклянных банках, а на двери в гостиную висел венок из сушёного вереска и можжевельника.

Ёлка, которую привёз Оулавюр, стояла у камина. Она была невысокой, с чуть кривым стволом, но очень пушистой. Сёстры развесили на ней деревянные звёзды, войлочных овец и старинные игрушки, которые Сигрун достала из кладовой. Верхушку увенчала не звезда, а маленькая фигурка тролля, связанная ещё матерью Сигрун.

— Он будет отпугивать злых духов, — объяснила Сигрун, поправляя тролля. — И следить, чтобы никто не грустил.

— А если кто-то всё-таки загрустит? — спросила Настя.

— Тогда нальём ему какао с ромом, — улыбнулась та.

Гостей в отель приехало немного, но все — с одной и той же мыслью: встретить Новый год подальше от городской суеты, среди снега, лавы и тишины.

Среди постояльцев была молодая пара из Англии, пожилой художник из Канады, который привёз с собой блокноты и мечтал зарисовать северное сияние, и семейство из Голландии с двумя мальчиками-близнецами. Дети носились по коридорам, прятались за ёлкой и всё спрашивали, не придут ли йольские парни прямо сегодня.

— В канун Рождества они ещё гуляют, — серьёзно отвечал им Оулавюр. — А в Новый год у них выходной. Так что бояться нечего.

— А вдруг они всё равно заглянут? — с надеждой спросил один из близнецов.

— Тогда мы попросим их вести себя прилично.

Настя и Полина с самого утра помогали на кухне. Эйрик готовил праздничный ужин, и на этот раз он был необычно разговорчив.

— На Новый год мы подаём копчёную баранину, — рассказывал он, нарезая мясо тонкими ломтями. — Её готовят на пару несколько часов, поэтому мясо тает во рту. Рядом — картофель, тушёная капуста, гороховый соус. И обязательно что-то сладкое.

— А что будет на сладкое? — спросила Полина.

— Скюр с черничным вареньем. И маленькие пончики, которые мы называем любовными шарами.

— Любовные шары? — переспросила Настя.

— Да. Крошечные пончики с изюмом. Их едят на праздники, запивая какао.

— Может, мне тоже научиться их делать? — предложила Полина.

Эйрик на секунду оторвался от ножа.

— Приходи после обеда. Покажу.

Полина кивнула, и, кажется, даже не заметила, что улыбается.

После обеда Полина переоделась в простую футболку, заколола волосы и спустилась на кухню. Эйрик уже ждал её, раскладывая на столе продукты: муку, яйца, масло, сахар, изюм и маленькую бутылочку с чем-то тёмным.

— Это кардамон, — пояснил он, заметив её взгляд. — Совсем чуть-чуть. Он даёт тот самый праздничный запах.

— А почему «любовные шары»? — спросила Полина, моя руки.

— Потому что ими легко кого-нибудь приворожить, — он бросил на неё короткий взгляд и снова отвернулся к столу. — Или потому что они круглые и горячие. Выбирай, что больше нравится.

Полина хмыкнула, но ничего не ответила.

Эйрик показал, как замешивать тесто. Оно получалось мягким, чуть липким, с тёмными вкраплениями изюма. Полина повторяла за ним, сначала робко, потом всё увереннее. Эйрик стоял рядом, иногда поправлял её руки — коротко, по-деловому, но от этих прикосновений Полине становилось жарко.

— Теперь скатывай шарики, — сказал он. — Небольшие, с грецкий орех. Слишком большие не прожарятся, слишком маленькие получатся сухими.

Она принялась катать. Первые три вышли кривыми, четвёртый развалился прямо в муке. Эйрик тихо засмеялся.

— Ничего. У меня первые тоже разваливались. Мама говорила, что я тороплюсь.

— А ты торопился?

— Всегда. Особенно когда хотел есть.

Полина улыбнулась. Ей нравилось, что Эйрик умеет смеяться над собой.

Когда шарики были готовы, он поставил на огонь кастрюлю с маслом.

— Смотри. Опускаем по одному. Не бросай, а клади. И не отходи.

Первый шарик Полина уронила слишком резко, и масло сердито зашипело. Она отскочила, и Эйрик, не удержавшись, расхохотался.

— Испугалась?

— Есть немного.

— Это нормально. Масло тоже волнуется.

Она попробовала ещё раз, уже спокойнее. Шарик медленно опустился в масло, зашипел ровнее и начал золотиться. Полина не сводила с него глаз.

— Теперь переворачивай. Вот так, аккуратно.

Он стоял совсем близко, и Полина чувствовала запах хвои и муки, который шёл от его фартука. Это было почему-то очень уютно.

Когда первая партия была готова, Эйрик выложил пончики на бумажное полотенце и присыпал сахаром.

— Пробуй, — сказал он.

Полина осторожно взяла один. Он был ещё горячим, мягким, и изюм внутри оказался тёплым.

— Это вкусно, — признала она. — Даже слишком.

— Теперь ты умеешь, — сказал Эйрик. — Осталось только запомнить, с чем их подают.

— И с чем же?

— С какао и хорошим настроением.

Он снова улыбнулся, и Полина вдруг поймала себя на том, что улыбается в ответ. Не вежливо, не для поддержания разговора, а как-то само собой.

— Значит, вечером подадим мои шары? — спросила она.

— Наши, — поправил Эйрик.

И Полина не стала спорить.

Остаток дня она ходила с лёгким запахом кардамона на руках и ловила себя на том, что то и дело улыбается, глядя в окно. Настя заметила это, но промолчала. Только вечером, когда они вместе накрывали стол, шепнула:

— Ты какая-то слишком довольная. Это всё кухня?

— Это всё Исландия, — ответила Полина.

— Ага, — протянула Настя. — Или всё-таки любовные шары.

Полина легонько пихнула сестру бедром, и они обе тихо рассмеялись, пряча улыбки от гостей.

Ближе к вечеру в отель начали съезжаться гости. Они входили с мороза, отряхивали снег и с улыбкой оглядывались по сторонам, будто не верили, что можно оказаться в таком месте. Сигрун встречала каждого, помогала с багажом и предлагала согреться глинтвейном.

Настя крутилась между гостиной и кухней, проверяла, всё ли на месте, поправляла свечи, подкладывала дрова. Полина стояла за стойкой, выдавала ключи и объясняла, во сколько начнётся ужин и куда смотреть, если вдруг появится северное сияние.

— У вас есть услуга «будильник»? — спрашивали гости.

— Есть, — кивнула Полина. — Если небо загорится, мы постучим в каждую дверь.

— Даже если мы уже уснём?

— Даже если вы уже уснёте.

Художник из Канады сразу устроился у окна в гостиной, разложил на коленях альбом и принялся рисовать. Близнецы из Голландии принесли ему овцу с ёлки и попросили нарисовать её «как настоящую, только смешную». Он обещал.

К девяти вечера стол накрыли в большом зале. Несколько деревянных столов сдвинули в один длинный ряд, застелили плотной льняной скатертью, расставили тяжёлые тарелки и простые стаканы. Вдоль стола, на расстоянии вытянутой руки, горели свечи в стеклянных банках, и от них по лицам гостей плясали тёплые отсветы.

Эйрик вышел из кухни в чистом фартуке. В руках у него было огромное блюдо, на котором горкой лежала копчёная баранина. От мяса поднимался пар, и запах был такой, что разговоры сами собой стихли.

— Это хангикьот, — объявил он, раскладывая мясо по тарелкам. — Копчёная баранина, приготовленная на пару. Её подают с картофелем, тушёной капустой и гороховым соусом.

Он работал быстро и уверенно, как человек, который делал это сотни раз. Настя разливала гороховый соус, стараясь не капать на скатерть. Полина подносила корзинки с хлебом — тёмным, плотным, с хрустящей корочкой. Бьорк следила, чтобы бокалы не пустовали.

— Это невероятно вкусно, — сказал художник, откладывая вилку. — Готов поклясться, что такой баранины не ел даже в моём детстве.

— Это потому, что она с нашей фермы, — отозвался Оулавюр. — Овцы питаются тем, что растёт на лаве. Мясо получается с лёгким дымным привкусом, как будто его уже коптили до того, как закоптили.

— И капуста с гороховым соусом, — добавила англичанка. — Просто и очень уютно.

— Исландия вообще умеет быть уютной, — сказала Сигрун. — Особенно когда за окном минус.

К баранине подали молодой картофель, посыпанный крупной солью и укропом. Картофель был рассыпчатым, чуть сладковатым, и отлично впитывал соус. Гороховый соус оказался густым, с лёгкой кислинкой, и Настя поймала себя на том, что макает в него хлеб, хотя вообще-то не любила горох.

Потом на стол поставили блюдо с запечённой треской для тех, кто не ел мясо. Рыба лежала на подушке из лука-порея и тушёных корнеплодов, а сверху была полита растопленным сливочным маслом с травами. От неё шёл морской, свежий запах, и несколько гостей тут же потянулись за добавкой.

Напитки тоже были подобраны со вкусом: горячий глинтвейн с кардамоном и апельсиновой цедрой, тёмное исландское пиво с карамельным послевкусием, а для тех, кто не пил, — яблочный морс с корицей и мёдом. Полина взяла глинтвейн, Настя — морс.

— Это как зимний костёр в стакане, — сказала Настя, отхлебнув.

— Запомни: у нас так говорят о бреннивине, — усмехнулся Магнус, сидевший неподалёку. — А морс — это для согрева души, не тела.

— Мне хватает, — с достоинством ответила Настя.

— Пока.

После основного блюда наступило время десерта. Эйрик вынес большое блюдо с крошечными пончиками «любовными шарами». Они были обжарены во фритюре, присыпаны сахаром и всё ещё тёплыми. Рядом стояли креманки со скюром, политым густым черничным вареньем, и тарелка с тонкими ржаными печеньями, пахнущими анисом и кардамоном.

— Это клейна? — спросила англичанка, указывая на пончики.

— Почти, — кивнул Эйрик. — Но у нас их пекут только на праздники. И называют «любовные шары».

— Почему любовные?

— Потому что если съешь больше трёх, влюбишься. Проверено.

Все засмеялись, но Настя заметила, что Полина съела четвёртый пончик и быстро спрятала руки под стол.

— Я просто попробовать, — тихо сказала она.

— Конечно, — ответила Настя. — Никаких последствий.

Десерт был действительно вкусным: скюр — холодный, плотный, с приятной кислинкой, черника — сладкая и душистая, а пончики — мягкие, как облако, и обжигающе горячие.

Художник откинулся на спинку стула и блаженно закрыл глаза.

Когда с ужином было покончено, все ещё некоторое время сидели за столом, не в силах пошевелиться. Говорили о еде, о праздниках, о том, как странно встречать Новый год на краю света.

— Здесь время идёт иначе, — сказал художник. — Словно кто-то выключил будильник.

— Это потому, что его здесь и не было, — ответил Оулавюр.

За окнами завывал ветер, но в зале было тепло и пахло уютом. И где-то впереди, за несколькими часами, уже угадывалась полночь.

После ужина все переместились в гостиную. Кто-то играл в настольные игры, кто-то сидел у камина, близнецы строили из деревянных кубиков башню, которую тут же разрушал их собственный смех.

— В такую ночь хорошо слушать про тех, кто не боится темноты, — начал Оулавюр, подбрасывая в камин полено. — У нас, в Исландии, истории не заканчиваются на йольских парнях.

Он помолчал, дождался, пока дети усядутся поудобнее, и продолжил:

— Вот, например, есть у нас драуги. Это те, кто после смерти не захотел уходить. Они остаются в своих могилах и сторожат то, что было им дорого. Но иногда выходят — если кто-то потревожит их покой или если им становится скучно. Говорят, что у драугов очень длинные руки и они могут обнять так, что уже не вырвешься.

— И что, их кто-то видел? — спросил один из близнецов.

— Видели, — серьёзно ответил Оулавюр. — В старину рыбаки рассказывали, что возле заброшенных хуторов по ночам можно услышать шаги за спиной. А если обернуться — никого нет. Зато утром на мокрой земле остаются следы. Свежие.

— А откуда они берутся?

— От тех, кто не успел закончить свои дела. Или от тех, кто слишком любил свою землю, чтобы её оставить. Поэтому у нас не принято ходить на старые кладбища в одиночку. Даже днём.

Дети притихли. Кто-то из взрослых невольно поёжился.

Тогда Сигрун, отложив вязание, сказала мягче:

— Но не все наши существа страшные. Есть и те, кто помогает.

— Например? — спросила Настя.

— Например, маленькие домовые, которых называют «ниссе». Они живут в амбарах и на хуторах. Если их не обижать и оставлять на ночь миску с кашей, они помогают по хозяйству: следят за огнём, присматривают за овцами, а иногда даже чинят то, что сломалось.

— Как наш Оулавюр, — вставил Эйрик, не поднимая головы.

Все засмеялись, а Оулавюр шутливо поклонился.

— Но если ниссе разозлить, — продолжила Сигрун, — он может устроить пакости: рассыпать зерно, спрятать инструменты, запутать нитки. Поэтому у нас до сих пор принято оставлять немного еды в сочельник — на всякий случай.

Магнус, стоявший у окна, добавил:

— А ещё есть истории про морских людей. Селки — тюлени, которые сбрасывают шкуру на берегу и становятся людьми. Если спрятать шкуру, селки останется на суше и даже выйдет замуж. Но если найдёт свою шкуру — уйдёт в море и больше не вернётся.

— И что, так и было? — спросила англичанка.

— Так рассказывают. Многие рыбацкие семьи на западе до сих пор верят, что среди их предков были селки. Поэтому там не принято стрелять в тюленей. Вдруг это чей-то дальний родственник.

— Или прабабушка, — хмыкнул художник.

— Или она, — кивнул Магнус.

Некоторое время все сидели молча, переваривая услышанное. За окном мело так, что стёкла слегка дрожали, и от этого истории казались ещё более живыми.

— А что рассказывают про Новый год? — спросила Полина. — Есть какая-нибудь примета?

— Есть, — оживился Оулавюр. — Говорят, что в новогоднюю ночь все вороны, которые живут в горах, слетаются к морю и рассказывают друг другу, что видели за год. Если услышишь в полночь вороний грай — значит, год будет полон новостей.

— А если не услышишь?

— Тогда будет тихий год. Тоже неплохо.

Все снова засмеялись. Насте нравилось, как здесь истории переплетались с обычной жизнью как будто тролли, селки и вороны действительно живут где-то рядом, за ближайшим холмом.

— А как у вас, в России, встречают Новый год? — спросил Оулавюр, подбрасывая в камин ещё одно полено.

Настя переглянулась с Полиной.

— Шумно, — сказала Полина. — Очень шумно.

— И вкусно, — добавила Настя. — У нас на столе обязательно есть оливье. Это такой салат из картошки, моркови, горошка, яиц и колбасы, всё порезано мелкими кубиками и залито майонезом.

— Колбаса? — переспросил Оулавюр с сомнением.

— Это вкуснее, чем звучит, — заверила его Настя. — Ещё мандарины. Целые горы мандаринов. И селёдка под шубой.

— Под шубой?

— Это когда рыбу закрывают слоями из овощей и свёклы. Получается розовое такое... — она замялась. — Наверное, это надо пробовать, а не объяснять.

Сигрун тихо засмеялась.

— А что вы делаете? — спросила она. — Ну, кроме еды?

— Ждём полночь, — сказала Полина. — За несколько минут до этого включают телевизор, и президент говорит речь. Потом бьют куранты — это такие часы на башне в Москве. Под их бой нужно загадать желание, а потом выпить шампанское и закричать «С Новым годом!».

— И вот так, с шумом, салатами и телевизором, у нас проходит главная ночь в году, — закончила Настя.

Она бросила взгляд в окно. Снег всё падал, превращая ночь в мягкое белое полотно. Ей вдруг захотелось выйти на крыльцо и послушать, не раздастся ли вдалеке вороний грай. Или шаги драуга. Или ещё что-нибудь, что не объяснишь словами.

— Я выйду подышать, — тихо сказала она и поднялась.

Снег по-прежнему падал, но теперь он был редким, лёгким, как мука. Воздух звенел от холода. Где-то очень далеко, в темноте, раздался одиночный лай — видимо, соседская собака тоже почувствовала приближение полуночи.

Сзади тихо открылась дверь. Это был Магнус.

— Не замёрзла? — спросил он.

— Пока нет. Тут красиво.

Он встал рядом и засунул руки в карманы.

— Ты любишь Новый год?

— Люблю. Но раньше он был всегда одинаковый: куранты, оливье, речь и песни из телевизора. А здесь всё другое.

— Чем?

Настя задумалась.

— Здесь как будто не нужно ничего загадывать. Просто стоять и смотреть. И уже хорошо.

Магнус помолчал.

— У нас принято загадывать не под бой курантов, а когда видишь первую звезду. Или когда падает снежинка на ладонь.

— И что ты загадываешь?

— Я не скажу. Иначе не сбудется.

Он повернулся к ней, и Настя вдруг увидела, что он улыбается. Не широко, одними губами, но очень тепло.

— У вас тут все такие загадочные, — тихо сказала она.

— Нет, просто мороз.

Они рассмеялись, и пар от дыхания смешался в воздухе.

Из отеля послышались голоса — гости начали выходить на улицу. Приближалась полночь.

— Смотри, — вдруг сказала Полина, оказавшаяся рядом.

Настя подняла голову.

Над горами, пробиваясь сквозь облака, расползалось зелёное свечение. Медленное, дрожащее, как будто само небо дышало. Северное сияние пришло в новогоднюю ночь, не спрашивая разрешения.

— Загадай, — прошептала Настя сестре.

— Ты первая.

Они встали плечом к плечу, глядя, как зелёные ленты стекают к горизонту. Где-то за спиной хлопнула пробка шампанского, дети завизжали от радости, кто-то запел.

Настя закрыла глаза. Ей не нужно было придумывать желание — оно уже было: чтобы этот день не заканчивался, а завтра было такое же, и послезавтра, и ещё много-много дней здесь, среди снега, лавы и этих людей.

— С Новым годом, — сказал Магнус, наклонившись к её уху.

— С Новым годом, — ответила она, не открывая глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.